

ДЖЕК КЕРУАК

18+

АНГЕЛЫ
ОПУСТОШЕНИЯ

От битника до Паланика

Джек Керуак

Ангелы Опустошения

«Издательство АСТ»

1965

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Керуак Д.

Ангелы Опустошения / Д. Керуак — «Издательство АСТ»,
1965 — (От битника до Паланика)

ISBN 978-5-17-138316-9

«Ангелы опустошения» — книга, которая подводит итоги не только первых двух романов трилогии — «На дороге» и «Бродяги Дхармы», — но и всей буйной, яркой и своеобразной культуры американского битничества. Можно ли удержать в себе тишину высокогорных вершин, снова спустившись в шум и сутолоку городов? Можно ли сохранить с трудом обретенное внутреннее одиночество, вновь оказавшись в бесконечной круговерти людей, близких и чужих, знакомых и незнакомых? Можно ли, наконец, жить дальше, с каждым днем все острее ощущая, как умирает в тебе дух бунтарства и поиска, — все, что ты годами считал своим подлинным и единственно возможным смыслом жизни? Времена меняются, и вместе с ними меняемся мы. Годы идут, жизненный опыт неумолимо ведет душу к взрослению. И по-другому звучит джаз, и горек вкус алкоголя, и сливаются линии бесчисленных дорог и лица бесчисленных женщин... Что — и зачем — ему делать теперь? Содержит нецензурную брань

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-138316-9

© Керуак Д., 1965

© Издательство АСТ, 1965

Содержание

Книга первая	7
Часть первая	7
1	7
2	7
3	9
4	10
5	10
6	11
7	11
8	13
9	13
10	13
11	15
12	16
13	16
14	17
15	18
16	18
17	20
18	21
19	21
20	22
21	23
22	24
23	25
24	25
25	26
26	27
27	28
28	30
29	31
30	31
31	32
32	33
33	34
34	34
35	35
36	36
37	37
38	38
39	39
40	40
41	41
42	42
43	43
44	44

45	44
46	45
47	46
Часть вторая	47
48	47
49	50
50	51
51	51
52	53
53	54
54	55
55	56
56	57
57	59
58	61
59	62
60	63
61	63
62	64
63	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68
Комментарии переводчика	

Джек Керуак
Ангелы опустошения
Роман

Jack Kerouac
Desolation Angels

* * *

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Jack Kerouac, 1966, 1993

© Перевод. М. Немцов, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Книга первая

Ангелы опустошения

Часть первая

Опустошение в уединении¹

1

Деньки, те ленивые денечки, когда сидел я, бывало, или ложился и лежал на Пике Опустошения^[1], иногда на альпийской травке, вокруг повсюду сотни миль заснеженных скал, гора Хозомин высится к северу от меня, огромный снежный Джек к югу, зачарованный вид озера внизу к западу, и снежный горб Бейкер за ним, а к востоку изборожденные хребтами и ущельями чудовищности громоздятся к Каскадному Хребту, и после того первого раза вдруг осознав «Это я вот кто изменился и все это совершил и приходил и уходил и хлюздил и болел и радовался и вопил, а вовсе не Пустота^[2]» и поэтому всякий раз думая о пустоте смотрел на Хозомин (поскольку и стул и постель и вся луговина обращены к северу) пока не понял «Хозомин и есть Пустота – по меньшей мере Хозомин есть пустота для моих глаз» – Совершенно нагие камни, скальные пики и тысячи футов в высоту выпирающие из горбомускулов еще тысячу футов высотой выпирающих из гигантских лесистых плеч, и зеленая ошетилившаяся елками змея моего собственного (Голода) хребта извивающаяся к нему, к его ужасающим скальным куполам из голубой дымки, и «облака надежды» лениво раскинувшиеся в Канаде еще дальше с их лицами из мельчайших капелек и с параллельными комьями и осками и ухмылками и барашковыми провалами и кучерявыми облачками рыл и зевами трещин говорящими «Хой! привет земля!» – высочайшие неустойчивейшие пиковые ужасности Хозомина сложенные из черной скалы и лишь когда налетает буря я их не вижу а они просто-напросто возвращают буре зуб за зуб непоколебимую угрюмость перед тучевзрывающейся дымкой – Хозомин что не треснет как такелаж хижины на ветрах, которая если посмотреть вверх тормашками (когда я делаю стойку на голове во дворе) так просто висящий пузырек в неограниченном океане пространства —

Хозомин, Хозомин, я не видал прекраснее вершин, как тигр иногда с полосами, омытыми солнцем ущельями и тенями пропастей какие корчатся линиями в Ярком Свете Дня, вертикальными бороздами и буграми и Буу! расселинами, бум, отвесная величественная Благоразумная гора, никто про нее и не слыхал, а она всего лишь 8000 футов в высоту, но какой кошмар, когда я впервые увидел эту пустоту в самую первую ночь на Пике Опустошения, когда проснулся от глубоких туманов в звездной ночи и внезапно надо мной возвысился Хозомин со своими двумя остриями, черный у меня в самом окне – Пустота, всякий раз когда я думаю о Пустоте вижу Хозомин и понимаю – Больше 70 дней пришлось мне на него пялиться.

2

Да, ибо я думал, в июне, пока стопарил сюда в долину Скаджита на северо-западе Вашингтона к себе на пожарную вахту: «Вот доберусь до вершины Пика Опустошения и все на мулах уеду обратно и я останусь один тогда-то и встречу лицом к лицу с Богом или

¹ В книге сохранено авторское оформление текста.

Татхагатай^[3] и узнаю раз и навсегда каково значение всего этого существования и страдания и метанья взад и вперед понапрасну» но вместо этого встретился лицом к лицу с самим собой, никакого бухла, никаких наркотиков, ни единого шанса прикинуться шлангом а лишь лицом к лицу с тем же Ненавистным Стариной Дулуозом-Мною и сколько же раз я думал что умру, издохну от скуки или прыгну с горы, но дни, нет часы, тянулись все дальше и не хватало мне мужества для такого прыжка, приходилось *ждать* чтобы неизбежно увидеть лицо реальности – и вот наконец он наступает тот день 8 августа и я расхаживаю по своему высокогорному дворику по небольшой хорошо утоптанной тропке какую сам проложил, в пыли и в дожде, многими ночами, со своей масляной лампой прикрученной низко-низко в хижине с окнами на все четыре стороны и островерхой крышей пагоды и стержнем громоотвода, наконец ко мне приходит, после даже слез, и скрежета зубовного, и убийства мыши и покушения на убийство еще одной, чего я никогда в жизни не делал (не убивал животных даже грызунов), ко мне приходит такими словами: Пустоту не потревожат никакие взлеты и падения, боже мой, взгляни на Хозомин, в тревоге ли он, в слезах ли? Склоняется ли перед бурями рычит ли когда светит солнце или вздыхает в дреме позднего дня? Улыбается? Не рожден ли он из завихрений безумного мозга и восстаний ливневого пламени а теперь он Хозомин и ничего больше? С чего бы мне выбирать и быть горьким или сладким, он же ничего этого не делает? – Почему не могу я быть как Хозомин и О Банальность, О одряхлевшая древняя банальность буржуазного разума «принимай жизнь такой какой она приходит» – Это тот биограф-алкаш, У. Э. Вудворд, сказал: «В жизни ничего нет кроме просто житья ее» – Но О Господи как же мне скучно! А Хозомину скучно? И мне осточертели слова и объяснения. А Хозомину?

Аврора Бореалис²
над Хозомином —
Пустота неподвижнее

– Даже Хозомин растрескается и развалится, ничто не вечно, оно лишь поживает-в-том-чем-все-является, проездом, вот что происходит, к чему задавать вопросы рвать на себе волосы или рыдать, сбрендивший бредил лиловый Лир на этих вересковых болотах горестей он лишь скрежещет зубами старый дуралей с крылатыми бакенбардами постоянно помыкаемый другим дурнем – быть и не быть, вот что есть мы – Участвует ли Пустота хоть как-то в жизни и смерти? бывают у нее похороны? или тортики на день рожденья? почему я не могу быть как Пустота, неистощимо плодородным, за пределами безмятежности, даже за пределами радости, просто Старина Джек (и даже не он), и вести свою жизнь начиная с этого момента (хоть ветры и сквозят мне по трахее), этот неухватимый образ в хрустальном шаре не Пустота, Пустота есть сам хрустальный шар и все мои горести Писание Ланкаватары^[4] волосяная сеть дураков: «Взгляните, господа, великолепная прискорбная сеть» – Не разваливайся, Джек, держись проездом через всё, а всё есть сплошь сон, одна видимость, одна вспышка, один печальный глаз, одна хрустальная светлая тайна, одно слово – Не шелохнись, чувак, возврати себе любовь к жизни и сойди с этой горы и просто *будь* – *будь* – будь бесконечными плодородиями единого разума бесконечности, ничего об этом не говори, не жалуйся, не критикуй, не хвали, не признавай, не остри, не пуляй звездочками мысли, просто *теки, теки*, будь собою всем, будь собою какой ты есть, это лишь то что есть всегда – Надежда это слово как снежный занос – Это великое Знание, это Пробуждение, это Пустотность – Так заткнись, живи, странствуй, ищи себе приключений, благословляй и не жалея – Сливы, слива, жуй свой чернослив – И был ты вечно, и будешь вечно, и все замороженные пинки твоей ноги о невинные дверцы буфета суть лишь Пустота притворившаяся человеком притворившимся не знающим Пустоты —

² От лат. северное сияние.

Я возвращаюсь в дом новым человеком.

Мне нужно лишь подождать 30 долгих дней а потом спуститься со скалы и вновь увидеть сладкую жизнь – зная что она ни сладка ни горька а просто она вот такая, и всё вот так вот —

Поэтому долгими днями я сижу в своем легком (полотняном) кресле лицом к Пустоте Хозомину, тишина нишкнет в моей хижинке, печка моя молчит, тарелки посверкивают, мои дрова (старый хворост кой есть форма воды и пульпы, каким разжигаю я индейские костерки в печке, чтобы наскоро приготовить поесть) мои дрова лежат в углу кучей и змеятся, консервы ждут, когда я их открою, мои старые растрескавшиеся башмаки плачут, сковородки клонятся друг на друга, тряпки висят, всякие шмотки мои тихо сидят по всей комнате, глаза у меня болят, ветер налетает порывами и лупит в окна и верхние ставни, свет в гаснущем дне оттеняет и темносинит Хозомин (выявляя его проблеск срединно-красного) и мне ничего не остается только ждать – и дышать (а дышать трудно в разреженном высокогорном воздухе с моими сопатыми синусами Западного Побережья) – ждать, дышать, есть, спать, готовить, стирать, ходить, наблюдать, никаких лесных пожаров здесь не бывает – и грезить: «Что я стану делать когда доберусь до Фриско? Так ну первым делом найду себе в Чайна-тауне комнату» – но еще ближе и слаще я грежу о том, что стану делать в День Отъезда, в какой-то из свято чтимых дней начала сентября: «Спущусь по тропе, два часа, встречу Филя в лодке, доеду до Плотов Росса, переночую там, поболтаю в кухне, утром пораньше выеду на Лодке Дьябло, прямо от маленького пирса (поздоровуюсь с Уолтом), доеду прямиком до Марблмаунта, получу зарплату, расквитаюсь с долгами, куплю бутылку вина и разопью ее днем у Скаджита, а наутро уеду в Сиэтл» – и дальше, до самого Фриско, потом в ЛА, потом Ногалес, потом Гвадалахара, потом Мехико – И по-прежнему Пустота неподвижна и не пошелохнется —

Но я сам буду Пустотой, двигаясь не пошелохнувшись.

3

Ай, и я вспоминаю сладкие дни дома которых не ценил когда они у меня были – целые полдни еще когда мне было 15, 16, они означали крекеры «Братьев Риц» и арахисовое масло и молоко, за старым круглым кухонным столом, и шахматные задачи или мною же придуманные игры в бейсбол, пока оранжевое солнце лоуэллского октября наискось проникает сквозь шторы веранды и кухни и падает ленивым пыльным столбом и в нем мой кот обычно лижет переднюю лапку ляляп тигриным язычком и зубцом хвостика, все подвергнуто и прах убран, Господи – поэтому сейчас в своих грязных драных одеждах я бродяжу в Высоких Каскадах и вместо кухни у меня лишь вот эта сумасшедшая битая-перебитая печка с потрескавшейся ржавчиной на трубе – подбитой, ага, на потолке старой мешковиной, чтобы не впускать крыс ночи – давние дни когда я мог просто подойти и поцеловать маму либо отца и сказать «Вы мне нравитесь потому что однажды я стану старым бродягой в опустошении и буду совсем один и печален» – О Хозомин, скалы его блещут под опускающимся солнцем, неприступные крепостные парапеты возвышаются как Шекспир над миром и на многие мили вокруг ни единая тварь не знает имен ни Шекспира, ни Хозомина, ни моего —

Конец давнего дня дома, и даже недавно в Северной Каролине когда, чтобы вызвать в памяти детство, я и впрямь ел «Ритц» и арахисовое масло и пил молоко в четыре, и играл в бейсбол у себя за столом, и школьники в ишарканных башмаках возвращались домой совсем как я, голодные (а я делал им особые Полубананы Джека всего лишь каких-то ничтожных полгода назад) – Но здесь на Опустошении ветер вихрится, опустошенно беспесенный, сотрясая стропила земли, порождая собою ночь – Тени облака гигантскими летучими мышами парят над горой.

Скоро темно, скоро дневные тарелки мои вымыты, еда съедена, жду сентября, жду нисхождения в мир снова.

4

Тем временем закаты безумное оранжевое дурачье неистовствует в сумраке, пока далеко на юге где мною предполагаются любящие объятия сеньорит, снежнорозовые груди ждут у подножия мира, в городах серебряных лучей вообще – озеро такая твердая сковородка, серое, голубое, ожидающее на туманных доньях своих пока я проеду по ней в лодке Фила – Гора Джек как всегда принимает свою награду облачком у высоколобого основания, вся его тысяча футбольных полей снега запутана и розова, этот единственный невообразимый ужасный снежный человек еще сидит на корточках окаменев на хребте – Золотой Рог вдали пока еще золотист посреди серого юго-востока – чудовищный горб Закваски нависает над озером – Угрюмые тучи чернеют дабы зажглись огнем кромки в той кузнице где куется ночь, спятившие горы маршируют к закату как пьяные кавалеры в Мессине когда Урсула была справедлива^[5], я бы поклялся что Хозомин задвигался б если б могли мы его к этому подвинуть но он проводит со мною ночь и скоро когда звезды дождем хлынут вниз по снежным полям он окажется на снежной верхушке своей гордыни весь черный и рыскающий к северу где (прямо над ним каждую ночь) Полярная Звезда вспыхивает пастельно-оранжевым, пастельно-зеленым, железно-оранжевым, железно-синим, сине-малахитовым там явные созвездные предзнаменования ее грима какие можно взвесить на весах золотого мира —

Ветер, ветер —

И вот мой бедный изо всех сил старательный человеческий письменный стол за которым я сижу так часто днем, обратясь лицом к югу, бумаги и карандаши и кофейная чашка с побегами альпийской ели и диковинной высотной орхидеей вянущей за один день – Моя жвачка «Буковый орешек», кисет, пылинки, жалкое журнальное чтиво а больше и читать нечего, вид на юг на все те заснеженные величества – Ожидание долго.

На Хребте Голода
палочки
Пытаются вырасти

5

Вот только в ночь перед своим решением жить любя, я был унижен, оскорблен и повергнут в скорбь таким сном:

«И найди хороший бифштекс из вырезки!» – говорит Ма протягивая Дени Блэ деньги, она посылает нас в магазин купить чего-нибудь хорошего на ужин, к тому же вдруг решила полностью довериться Дени эти последние годы когда я стал таким модным эфемерным нерешительным существом которое проклинает богов спя в постели и бродит с непокрытой головой и дурной в серой тьме – Всё это в кухне, все уговорено, я ничего не отвечаю, мы отправляемся – В передней спальне у самой лестницы умирает Па, на своем смертном ложе и практически уже мертвый, именно вопреки *этой* Ма желает хорошего бифштекса, хочет возложить свою последнюю человеческую надежду на Дени, на некую решительную солидарность – Па худ, бледен, простыни его ложа белы, мне кажется он уже умер – Мы спускаемся в сумраке и как-то добираемся до мясной лавки в Бруклине посреди центральных улиц вокруг Флэтбуша – Там Роб Доннелли и остальная компашка, простоволосые и как бродяги на улице – Глаза Дена вспыхивают когда он видит возможность на всё забить и приколоться по маминым денежкам, в лавке он заказывает мясо но я вижу как он отслюнивает сдачу и запикивает деньги в карман и устраивает как-то так чтобы отречься от *ее* уговора, *ее последнего* уговора – Она возложила

на него свои надежды, от меня-то больше никакого толку – Мы как-то отваливаем оттуда и не возвращаемся домой к Ма а заруливаем на Речную Армию и та отправляется, досмотрев гонки быстроходных катеров, плыть вниз по течению в холодном круженье опасных вод – Катер, если б он был «длинным» мог бы запросто поднырнуть под самую сутолоку флотилии и выскочить на другой стороне и побить бы всех по времени но из-за неправильно короткого корпуса гонщик (мистер Дорогуш) жалуется что именно по этой причине его катер просто клюнул носом перед толпой и застрял в ней и не смог двигаться дальше – большие плоты с чиновниками взяли это на заметку.

Я в ведущей бригаде. Армия стартует по течению, мы движемся к мостам и городам внизу. Вода холодна а течение крайне плохое но я плыву и выгребая потихоньку. «Как я сюда попал?» думаю. «Что с маминым бифштексом? Что Дени Блё сделал с ее деньгами? Где он теперь сам? О у меня нет времени подумать!» Неожиданно с лужайки у церкви Св. Людовика Французского на берегу я слышу как ребяташки кричат мне: «Эй, твоя мать в психбольнице! Твоя мать уехала в психбольницу! У тебя отец умер!» и до меня доходит что произошло и все же, плывя и в Армии, я застрял колочусь в холодной воде, и остается лишь горевать в седом вынужденном ужасе утра, мучительно я ненавижу себя, мучительно слишком поздно и все же пока мне лучше все равно мне эфемерно и нереально и неспособно выправить мысли или даже горевать по-настоящему, по сути мне слишком по-дурацки чтоб на самом деле мучиться, короче говоря я не знаю что делаю и Армия мне говорит что делать а Дени Блё тоже сыграл мною в кегли, наконец-то, дабы сладко отомстить но главным образом дело просто в том что он решил стать прожженным жуликом и это его шанс —

...И даже хотя шафранное леденящее послание может прийти с солнечных ледовых шапок мира, О какими б одержимыми призраками придурками мы ни были, я добавляю приписку к длинному письму любви, которое пишу маме вот уже много недель.

Не отчаивайся, Ма, я буду о тебе заботиться, когда б ни понадобился – ты только покричи... Я вот тут, плыву по реке трудностей, но я умею плавать – Не думай даже ни минутки, что ты осталась одна.

Она за 3000 миль отсюда живет в кабале у гадкой родни.

Опустошение, опустошение, как смогу я когда-нибудь отплатить тебе?

6

Я мог бы сойти с ума в этом... О всевбиральная менайя но верша может засечь трещотку-репейника, поньяк избегательно лишенностный побродяжник, минаизбегай ловушки – Песнь моего всего глосение меня частично крушение сними всю колоду – частично ты тоже можешь зеленеть и летать – никнущая луна исторгла соль на приливы подступающей ночи, покачайся на плече луговины, перекасти валун Будды через розоворазделенную в западно тихоокеанском тумане скирду – О крохотная крохотная крохотная надежда человеческая, О заплесневевшее трескающееся ты зеркало ты сотрясло па т н а ваталака – и еще больше предстоит — Трям.

7

Каждый вечер в 8 посты на всех горных вершинах Национального заказника горы Бейкер проводят сеанс трепа по своим рациям – У меня тоже есть приемопередатчик «Пэкмастер» и я его включаю и слушаю.

В одиночестве это значительное событие.

- Он спросил ты спать собираешься, Чак.
- Знаешь чего он делает Чак когда идет на обход? – находит себе уютное местечко в тенишке где-нибудь и просто задряхливает.
- Ты сказал – Луиза?
- ...Нии знааю...
- ...Ну мне всего три недели ждать осталось...
- ...на самой 99...
- Слушай Тед?
- Чё?
- Как ты нагреваешь печку когда делаешь эту, э-э, сдобу?
- Ой да просто огонь пожарче...
- У них там только одна дорога которая э-э зигзагами по всему подлунному...
- Ага надеюсь – Я все равно там ждать буду.
- Бззззз бзгг радио – долгое молчание задумчивых молодых наблюдателей —
- Ну а твой кореш намерен подыматься сюда и тебя забирать?
- Эй Дик – Эй Студебекер...
- Ты просто дрова подкладывай, и все, она не остывает...
- Ты ему по-прежнему собираешься платить столько же сколько э-э заплатил при выходе?
- ...Ага но э-э три четыре ходки за три часа?

Моя жизнь это громадная и безумная легенда расползлась всюду не начинаясь и не заканчиваясь, как Пустота – как Сансара^[6] – Тысяча воспоминаний дергаются нервными тиками весь день смущая мой жизненный ум почти что мускульными спазмами ясности и памяти – Распевая с липовым английским акцентом «Лох-Ломонд»^[7] пока разогреваю себе вечерний кофе в холодных розовых сумерках, я сразу же вспоминаю 1942-й в Нова-Скотии когда наше убогое суденышко зашло из Гренландии и всех отпустили в увольнение на всю ночь, Осень, сосны, холодные сумерки а потом закатное солнце, по радио из военной Америки слабый голос Дайны Шор поет, и как мы напились, как мы скользили и падали, как радость взбухала у меня в сердце и взрывалась вырываясь в ночь оттого что я вернулся в возлюбленную свою Америку почти что – холодный собачий закат —

Почти одновременно, просто потому что переодеваю штаны, или то есть надеваю лишнюю пару перед воющей ночью, я вспоминаю изумительную сексуальную фантазию когда как-то днем читал ковбойскую историю про бандита похитившего девушку она с ним совсем одна в поезде (кроме некой старухи) которая (старуха теперь у меня в грезах спит на лавке пока старый крутой *омбре*³ я бандит вталкивает блондинку в мужское купе, под дулом пистолета, а та не отвечает и только царапается (ясноперцево) (она любит честного убийцу а я старый Эрдавай Мольтер убийственный ухмыльчивый техасец который разделяет быков в Эль-Пасо а дилижанс как-то взял только чтоб дырок в людях понаделать) – Я толкаю ее на сиденье опускаюсь на колени и начинаю обрабатывать, в стиле французских открыток, до тех пор пока глаза у нее не закрываются рот не приоткрывается пока она уже не может этого вынести и любит этого любящего бандита поэтому по своему собственному дикому желающему хотенью вскакивает и тут же падает на колени и приступает, потом когда я готов поворачивается старуха тем временем спит себе а поезд грохочет дальше – «Крайне восхитительно мой дорогой» говорю я себе на Пике Опустошения и как бы Быку Габбарду, пользуясь его манерой речи, и как бы чтоб развлечь его, будто бы он здесь, и слышу как Бык говорит «Не обабивайся Джек» как он серьезно сказал мне в 1953-м когда я начал прикалываться с ним в его женственной манере «На тебе это не смотрится Джек» и вот я хочу оказаться в Лондоне с Быком сегодня же вечером —

А молодая луна, бурая, рано опускается вон там рядом с тьмой реки Бейкер.

³ Парняга, бандит, сорвиголова (*искаж. исп.*). – Здесь и далее примеч. пер.

Моя жизнь есть громадный непоследовательный эпос с тысячей и миллионом персонажей – вот они все подходят, так же быстро как мы катимся на восток, так же быстро как катится на восток земля.

8

На курево у меня есть только бумага ВВС делать самокрутки, добросовестный сержант прочел нам лекцию о важности Корпуса Наземных Наблюдателей и раздал толстые книжки бланков для записи целых армад явно вражеских бомбардировщиков в каком-то параноичном «Конэлраде»^[8] его мозга – Он был сам из Нью-Йорка и говорил быстро и был евреем, и мне тут же захотелось домой – «Журнал Регистрации Пролета Воздушных Объектов», с линейками и цифрами, я беру алюминиевые ножнички и вырезаю квадратик и сворачиваю чинарик а когда самолеты пролетают занимаюсь своим делом хоть он (сержант) и говорил «если видите летающую тарелку сообщайте о летающей тарелке» – На бланке сказано: «Количество самолетов, один, два, три, четыре, много, неизв.», напоминает мне тот сон что был у меня про меня и У. Х. Одена^[9]: мы стояли в баре на реке Миссисипи элегантно пошучивая о «женской моче» – «Тип самолета», говорится дальше, «одно-, двух-, много-, реактивный, неизв.» – Естественно мне страшно нравится это неизв., делать мне здесь больше нечего на Опустошении – «Высота самолета» (врубитесь только) «Очень низко, низко, высоко, очень высоко, неизв.» – затем «ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: НАПРИМЕР: Неприятельский самолет, нежесткий дирижабль» (жопаньки), «вертолет, воздушный шар, самолет ведущий боевые действия или терпящий бедствие и т. д.» (или кит) – О бедственная роза неизвестный горестный самолет, прилети!

Моя папиросная бумага так грустна.

«Когда Энди и Фред доберутся сюда!» ору я, когда они поднимутся по этой тропе на мулах и лошадях у меня будет настоящая папиросная бумага и моя дорогая почта от моих миллионов персонажей —

Поскольку беда с Опустошением в том, что нет персонажей, – один, изолирован, но изолирован ли Хозомин?

9

Глаза в руке, приварены к колесу к приварено к бздынь.

10

Чтобы скоротать время я играю в солотёрно-карточный бейсбол который мы с Лайонелом изобрели в 1942-м когда он приезжал в Лоуэлл и на Рождество перемерзли трубы – игра между «Питтсбургскими Плимутами» (самая старая моя команда, а теперь едва-едва на верхушке 2-й лиги) и «Нью-Йоркскими Шевролетами» что поднимаются из самого подвала постыдно поскольку в прошлом году были чемпионами мира – Тасую колоду, выписываю составы и раскладываю команды – На сотни миль вокруг, черная ночь, лампы Опустошения зажжены, занимаюсь детским спортом, но Пустота тоже дитя – и вот как проходит игра: – что происходит: – как ее выигрывают и кто: —

Питчеры соперников – у «Шевролетов» Джо Маккэнн, заслуженный ветеран 20 лет в моих лигах с того первого раза когда в 13 лет я гвоздем выковыривал железные шарики из подшипника под сенью яблонь в цвету на заднем дворе на Саре, Ах как грустно – Джо Маккэнн рекордсмен (это 14-я игра сезона для обоих клубов), по набранному среднему количеству очков 4.86, «Шевролеты» натурально с подавляющим преимуществом и в особенности поскольку Маккэнн звезда подачи а Гэвин посредственность в моих официальных раскладах

по эффективности игроков – и «Шевролеты» в любом случае горяченькие, лезут все выше, и сделали первую игру в этой серии 11-5...

«Шевролеты» сразу выскакивают вперед в своей половине первого иннинга когда капитан Фрэнк Келли посылает затяжной мяч далеко в центр заманивая домой Стэна Орсовски со второй базы который делал пробежку к Даффи – бу-бу-бу, слышно как эти «Шевролеты» (у меня в уме) громко обсуждают и свистят и хлопают заводя игру – несчастные «Плимуты» в зеленой форме выходят на свою атаку в начальном иннинге, это совсем как в реальной жизни, в настоящем бейсболе, не могу отличить его от воя ветра и сотен миль Арктической Скалы без —

Но Томми Тёрнер на своей коронной скорости превращает трипл в инсайд-парк хоум-ран и в любом случае у Дылды Келли рук не хватит а у Томми это уже шестой хоум-ран, он «великолепный» так оно и есть – и его 15-й удар забит а он сыграл всего шесть игр поскольку у него была травма, ну Мики Мэнтл^[10] да и только —

Сразу же следом забивает мяч за правую ограду черная бита Пая Тиббза и «Плимы» вырываются вперед... у-ух...

(зрители фанатеют в недрах моей горы, я слышу рокот небесных гоночных машин в рас-селинах ледников)

Затем Лью Бэдгёрст срезает мяч вправо и Джо Маккэнн разбит в пух и прах (фу-ты ну-ты средние очки) (фи, вот и верь после этого) —

А на самом деле Маккэнна чуть не вышибают с кэтчерской зоны, а он еще и вынужден прервать перебежку на базу к Тоду Гэвину, но Надежный Старина Генри Прей заканчивает иннинг, накинув мяч вдоль земли Фрэнку Келли на третьей базе – да здесь уж базовых целая куча будет.

Потом вдруг у питчеров завязывается неожиданно блестящая дуэль подач – по полям, ни один не дает кэтчеру ни шанса для удара кроме одного сингла (это удается Неду Гэвину) во втором иннинге, блистательно прямым до крайней восьмерки когда «Шевролетов» Зэгг Паркер наконец взламывает лед синглом вправо (он тоже великий сверхбегун), и тот непере-хваченный становится даблом (бросок-то сделан, но он его делает скользом) – и в игре появля-ется новая тональность можно подумать, но нет! – Нед Гэвин выманивает Клайда Кэслмена к центру, затем спокойно выбивает Мужика Стэна Орсовски и сходит с питчерской горки, пре-спокойненько пожеывая табачок, сама пустота – По-прежнему 2–1 в пользу его команды —

Маккэнн уступает сингл большому гадкому Лью Бэдгёрсту (левой ручищей обхватив-шему свою биту) в *его* половине восьмерки, а у него перехватывает базу пинчраннер Аллен Уэйн, но опасности нет, потому что он ловит Тода Гэвина граунд-аутом —

Начинается последний иннинг, счет тот же самый, та же самая ситуация.

Неду Гэвину нужно лишь придержать «Шевролетов» на три лонг-аута. Болельщики зата-или дыхание и напряглись. Он должен сойтись с Бёрдом Даффи (набравшим.346 до нынешней игры), Фрэнком Келли и пинчхиттером Тексом Дэвидсоном —

Он поддериживает ремень, вздыхает и выходит на приземистого Даффи – замахивается – Низко, мяч раз.

Вне зоны, мяч два.

Долгий перелет мяча в центр поля но прямым в руки Томми Тёрнеру.

Осталось всего две попытки.

«Давай Недди!» – надсаживается капитан Сай Лок с 3-й базы, Сай Лок величайший шорт-стоп всех времен в свое время и в мое время цветения яблонь, когда Па был еще молод и хохотал на кухне летним вечером с пивом и Замшей и пиноклем —

Выступает Фрэнк Келли, опасный, грозный, жадный до денег и выпелов, подстрекатель, смутьян —

Недди замахивается: бросок: в зоне.

Мяч раз.

Передача.

Келли бьет вправо, от шеста, Тод Гэвин догоняет, это дабл, связующая перебежка на вторую, толпа звереет. Свист, свист, свист —

Скоростника Селмена Пиву отправляют на подмогу Келли.

Текс Дэвидсон здоровенный ветеран чавкающий старый аутфилдер старинных баталий, ночами он квасит, ему плевать — Он лупит по воздуху сокрушительным круговым замахом биты.

Нед Гэвин закручивает ему все 3 попытки. Фрэнк Келли матерится на скамейке, Пива, на связующей перебежке, до сих пор на второй базе. *Остался еще один!*

Бэттер: Сэм Дэйн, кэтчер «Шевролетов», старый ветеран, по сути кореш Текса Дэвидсона насчет пожрать и выпить, единственная разница в том что Сэм бьет с левой — а так тот же рост, сухопарый, старый, тоже плевать —

Нед подает контрольный впритык —

И вот он вот: — громыхающий хоум-ран за центральный барьер, Пива вылетает за поле, Сэм скачет вокруг жует свой табак, ему по-прежнему плевать, на основной базе его заталкивают Келли и его психи —

9-й на исходе, Джо Маккэнну нужно лишь сдержать «Плимутов» — Прей промахивается, Гучва бьет сингл, они держат и вторую и первую базы, и вот выходит маленький Недди Гэвин делает связующую пробежку посылает решающий мяч на третью, питчер жрет питчера — выскакивает Лео Соьер, похоже, что Маккэнн выдержит, но Томми Тёрнер просто убивает мяч шлепком, пуская его по земле, и вот влетает везунчик, Джейк Гучва, который бил сингл так неназойливо, и «Плимуты» все вываливают и тащат Неда Гэвина в раздевалку на плечах.

Ну скажите мне что мы с Лайонелом изобрели плохую игру!

11

Великолепный день утром, он совершил еще одно убийство, по сути то же самое, только на сей раз жертва счастливо восседает в кресле моего отца почти совсем в том месте на Саравеню, а я просто сижу у себя за столом и пишу, беспечный, и тут слышу о новом убийстве и продолжаю писать (предполагается, что как раз о нем, хе-хе) — Все дамы ушли на лужайки но какой ужас когда они возвращаются и сразу ощущают в комнате убийство — что Ма скажет, но он расчленил труп и смысл его в унитаз — Темное злое лицо клонится над нами в мракосне.

Я просыпаюсь утром в семь а моя половая тряпка до сих пор сохнет на скале, как женская голова с волосами, как покинутая Гекуба, и озеро просто затуманенное зеркало в миле внизу откуда вскоре во гневе восстанут дамы с Озера^[11] и всю ночь напролет я едва мог смежить веки (слышу слабый гром в барабанных перепонках) потому что мыши, крыса и два молодых оленя куродуролесили вокруг, олешки нереальные, слишком худосочные, слишком странные для оленей, но тем не менее какие-то новые виды таинственных горных млекопитающих — Они вычистили полностью тарелку холодной вареной картошки которую я им выставил — Мой спальник сплюснен перед новым днем — Я пою у печи:

— Оу кофе, ты выглядишь прекрасно когда варишься —

— Оу оу леди, ты выглядишь прекрасно когда любишь

(дамы Северного Полюса чье пение я слышал в Гренландии)

12

Туалет мой – маленькая островерхая деревянная уборная на краю прекрасного дзенского утеса с валунами и скальными сланцами и старыми узловатыми просветленными деревьями, остатками деревьев, пнями, выданными, измученными, нависающими, готовыми сорваться вниз, бессознательными, Та Та Та – дверь, которую я подпираю камнем, чтоб не закрывалась, выходит на обширные треугольные горные стены по ту сторону Горловины Молнии к востоку, в 8:30 утра дымка сладка и чиста – и мечтательна – Ручей Молния множит свой рев – вступают Три Дурня, а Шалл и Коричный подпитывают его, и еще дальше, Хлопотный Ручей, и за ним, другие леса, другие первобытные участки, иные в наростах скалы, напрямик на восток до Монтаны – В туманные дни вид с моего сиденья подобен китайскому дзенскому рисунку серых пустот тушью по шелку, я чуть ли не ожидаю увидеть двух посмеивающихся старых бродяг дхармы^[12], или одного в тряпье, возле пня с козлиными рогами, одного с метлой, другого с пером для письма, он пишет стихи о Посмеивающихся Камышах В Тумане – говорит:

- Ханьшань^[13], каково значение пустоты?
- Шидэ, ты вымыл утром пол в кухне?
- Ханьшань, каково значение пустоты?
- Шидэ, ты вымыл – Шидэ, ты вымыл?
- Хе-хе-хе-хе.
- Почему ты смеешься, Шидэ?
- Потому что мой пол вымыт.
- Тогда каково значение пустоты?

Шидэ берет метлу и метет пустое пространство, я однажды видел, как это делает Ирвин Гарден – они бредут прочь, посмеиваясь, в тумане, и остаются лишь несколько ближайших камней и наростов, что мне отсюда видно, а выше Пустота уходит в Облако Великой Истины верхних туманов, ни единой чернеющей рамы, это гигантский вертикальный рисунок, а на нем 2 маленьких учителя и над ними пространство бесконечно —

- Ханьшань, где твоя тряпка?
- Сушится на скале.

Тысячу лет назад Ханьшань писал стихи на утесах вроде вот этого, туманными днями вроде вот этого, а Шидэ подметал монастырскую кухню метлой, и они посмеивались вместе, и Императорская Рать приходила издалека и исширока, чтобы найти их, а они лишь убегали, прятались, по трещинам и пещерам – Вдруг я вижу, как Ханьшань появляется перед моим Окном, показывает на восток, я смотрю, и там только Ручей Три Дурня в утренней дымке, смотрю обратно, Ханьшань исчез, опять смотрю, что он мне показал, там только Ручей Три Дурня в утренней дымке.

Что еще?

13

Потом наступают долгие дневные грезы о том что я сделаю когда выберусь отсюда, из этой горновершинной западни. Просто дрейфовать и брести вниз по этой дороге, по 99-ке, поститься, мож только филе-миньон на горячих углях как-нибудь вечером на пересохшем дне реки, с хорошим винцом, а наутро дальше – в Сакраменто, Беркли, наверх к домику Бена Фейгана и перво-наперво прочесть это хайку:

Проехал стопом тысячу
миль и принес

Тебе вина

– мож поспать у него на травке во дворе той же ночью, по крайней мере хоть одну ночь в гостинице Китайгорода, одну долгую прогулку по всему Фриско, один большой китайский, два больших китайских обеда, увидеть Коди, увидеть Мэла, поискать Боба Доннелли и остальных – кой-чего тут и там, подарок для Ма – к чему строить планы? Буду просто дрейфовать по дороге, посматривая на неожиданные события, и не стану останавливаться аж до Мехико.

14

У меня тут наверху есть книжка, признания бывших коммунистов, которые бросили это дело как только признали его тоталитарную звериную сущность, «Божество, потерпевшее крах»^[14] называется (включая один скучнейший О ужасно скучный отчет Андре Жида этого старого посмертного зануды) – все что у меня есть, в смысле почитать – и я впадаю в депрессию при мысли о мире (О что это за мир, где дружбы перечеркивают вражду сердца, люди сражаются за то, за что можно сражаться, повсюду), мире всяких ГПУ и шпионов и диктаторов и чисток и полночных убийств и марихуанных революций с ружьями и бандами в пустыне – вдруг, просто настроившись на Америку через наблюдательское радио слушая как остальные парни треплются, я слышу счет футбольных матчей, разговор о таком-то-и-таком-то «Бо Пеллигрини! – ну и кабан!! Я не разговариваю с мэрилендцами»^[15] – и хохмы и лаконичную задержку, я понимаю: «Америка свободна как этот свободный ветер, вон там, по-прежнему свободна, свободна так же как в те времена когда у этой границы не было имени чтобы называть вон то Канадой и по пятницам вечерами когда Канадские Рыбаки приезжают на старых машинах по старой дороге за каровым озером» (которое мне видно, огоньки по пятницам ночью, тогда сразу же приходят в голову их шляпы и снасти и блесны и лески) «вечерами в пятницу приходил лишь безымянный индеец, скаджит»^[16], и стояло там лишь несколько бревенчатых фортов, да и тут внизу как-то так, и ветры обдували свободные ноги и свободные рога, и по-прежнему обдувают, но только свободные радиоволны, свободную молодую дичь которую Америка несет по радио, студентики, бесстрашные свободные мальчишки, за миллион миль от Сибири всё это и Америка пока еще старая добрая страна» —

Ибо вся опаленная головней тьма-скорбь мыслей о Россиях и заговорах поубивать души целых народов, рассеивается когда просто слышишь: «Боже мой, счет уже 26,0 – так и не забили ничего всю дорогу» – «Совсем как „Все Звезды“» – «Эй, Эд, ты когда спускаешься с поста?» – «Он сейчас правильный, он захочет сразу домой поехать» – «Может глянем на Ледниковый Национальный Парк» – «Поедем домой через Пустоши в Северной Дакоте» – «В смысле Черные Холмы» – «Я не разговариваю с сиракузянами» – «Кто-нибудь знает хорошую сказочку на сон грядущий?» – «Эй уже полдевятого, пора закругляться – 33 десять-семь до завтрашнего утра. Спокойной ночи» – «Хо! 32 десять-семь до завтра – Приятных снов» – «Ты сказал, что у тебя приемник Гонкхонк ловит?» – «Ну дак, слушай, хиньгья хиньгья хиньгья» – «Ладно харэ, спокойной ночи» —

И я знаю что Америка слишком огромна и народ ее слишком огромен чтобы его когда-нибудь низвели до нации рабов, и я могу поехать стопом по этой вот дороге и дальше в остаток лет своей жизни зная что если не считать пары потасовок в барах затеянных пьянчугами ни единый волос у меня на голове (а подстричься мне нужно) не пострадает от Тоталитарной жестокости —

Индейский скальп говорит так, и пророчество:

«С этих стен смех сбежит в мир, заражая мужеством согбенного в трудах пеона древности».

15

А я приемлю Будду, который сказал, что сказанное им ни правда ни неправда, а есть всего лишь одно истинное или хорошее что я слышал и оно звонит в облачный колокол, могучий надмирской гонг – Он сказал: «Твое путешествие было долгим, беспредельным, ты пришел к этой дождевой капле называемой твоею жизнью, и называешь ее *своей* – мы замыслили чтоб дал ты себе зарок стать пробужденным – прозришь ли ты через миллион жизней сие Царственное Предостережение, это по-прежнему лишь дождевая капля в море и кто встревожен и что есть время —? Этот Яркий Океан Бесконечности несет вдаль множество рыб, они возникают и исчезают искорками у тебя на озере, поймей в виду, но возьми и нырни в прямоугольное белое полыханье вот такой мысли: Тебе было задано пробудиться, это золотая вечность, какое знание не принесет тебе земного добра ибо земля не мозг кости, хрустальный миф – встань пред лицом атомно-водородной истины, пробудитель, да не поддашься ты козням хлада иль жара, утешенья иль непокоя, не забывай, мотылек, о вечности – люби, паренек, повелитель, бесконечное разнообразие – будь одним из нас, Великих Знающих Без Знания, Великих Любящих За Пределами Любви, цельных сонмов и неисчислимых ангелов с обличем или желаньем, сверхъестественных коридоров пыла – мы пылаем дабы удержать тебя в пробуждении – раскрой объятия объемли, и мы ринемся к тебе, мы возложим серебряную встречную марку золотых рук на твое млечное укрытое чело, чтоб ты оледенел в любви навеки – Верь! и ты будешь жить вечно – Верь, что ты жил вечно – пересиль твердыни и покаянье темной отъединенной страдающей жизни на земле, в жизни есть далеко не только земля, есть Свет Везде, взгляни —»

В этих странных словах, что я слышу каждую ночь, во многих других словах, разнообразности и нити реченья изливающегося из того вечнозаботливого богатого —

Поверьте мне на слово, что-то из этого выйдет, и на нем будет личина сладкого ничто, трепыхающегося листика —

Бычьи шеи сильных плотогонов цвета пурпурного золота и шелковые юбки понесут нас ненесомых непересекая пересекаемые непересекающиеся пустоты к улюм-свету, где Рагамита полуприкрытый золотой глаз раскрывается и держит пристальный взгляд – Мыши шебуршат в горной ночи крошечными ножками из льда и алмазов, но время мое не пришло (смертного героя) знать что я знаю я знаю, итак, входите

Слова...

Звезды – слова...

Кто преуспел? Кто провалился?

16

АХ ЙЕА, а когда
Доберусь до Третьей и
Таунсенда,
словлю себе
Ночного Призрака —
Мы покатаемся прямиком
В Сан-Хосе
Быстро как брешь —
– Ах ха, Ночной

полночный призрак,
Старина Молния^[17] катит
вдоль по линии —
Ах ха, Ночной
полуночный призрак —
Катим
вдоль
по
линии
Влетим сверкая
в Уотсон-вилль
Прогромыаем насквозь
по линии —
Долина Салинас
в ночи
И дальше вниз до Апалайна —
Хуу Хуу
Ухуу ии
Ночной Призрак
До самого Горба Обиспо
– Подцепим толкача
и возьмем эту гору,
и обрушимся на город,
– Промчим его насквозь
к Сёрфу и Тангэру
и дальше у самого моря —
Луна она сияет
Полночный океан
едем вдоль по линии —
Гавиоти, Гавиоти,
О Гави-оти,
Распевая распивая винцо —
Камарилла, Камарилла,
Где Чарли Паркер
свихнулся^[18]
Покатимся дальше в ЛА.
– О Ночной
полуночный,
полунощный призрак,
катим вдоль по линии.
Санта-Тереза,
Святая Тереза, ты не волнуйся,
Мы успеем в самый раз,
вдоль полночной
линии

И вот так прикидываю я и доеду я из Сан-Франциско до ЛА за 12 часов, верхом на Ночном Призраке, под принайтовленным грузовиком, товарняк Первоклассная Молния, ззууум, зом, прямиком, спальник и вино – дневная греза в форме песни.

17

Устав разглядывать под всеми углами собственный пост, как, например, глядеть на спальник утром с точки зрения того чтобы расстегивать его вечером снова, или на печку в самом жару ужина в середине дня с точки зрения полуночи когда в ней холодной будет скрестись мышка, я обращаю мысли к Фриско и вижу его как кино что там будет когда я туда доберусь, я вижу себя в новой (которую-надо-будет-купить-в-Сиэтле-как-я-планирую) черной мешковатой кожаной куртке что висит на мне и низко облегает талию (мож даже рукава болтаются) и в новых серых штанах и новой шерстяной спортивной рубашке (оранжево-желто-синей!) и с новой стрижкой, вот я схожу такой тусклолицый декабрьствуя по ступенькам трущобной гостиницы в Китайгороде, или же я на хазе у Саймона Дарловского на Тёрнер-Террас дом 5 в сумасшедшем негритянском квартале на Третьей и 22-й откуда видны гигантские нефтестерны вечности и открывается целая перспектива на дымный промышленный Фриско включая и бухту и основную железнодорожную линию и фабрики – Я вижу себя, рюкзак на одном плече, вхожу сквозь вечнонезапертую заднюю дверь в спальню к Лазарю (Лазарь это странный 15½-летний брат-мистик Саймона от которого всегда лишь одно слышно «Те сны какие-нть снились?») (вчера во сне?) (имеет он в виду), я захожу, стоит октябрь, они в школе, я выхожу и покупаю мороженого, пива, персиковый компот, стейков и молока и набиваю лёдник а когда они под вечер возвращаются домой и во дворе маленькие пацаны уже начали орать от Осенне Вечерней Радости, я просидел за этим кухонным столом весь день потягивал вино и почитывал газеты, Саймон со своим костистым крючковатым носом и сумасшедше поблескивающими зелеными глазами и в очках глядит на меня и гнусавит сквозь свои вечно насморочные ноздри «Джсек! Ты! Когда ты сюда успел, хнф?» шмыгая (ужасна му#ка его шмыга, я и сейчас его слышу как он вообще дышать умудряется) – «Сегодня только что – смотри, в леднике полно жратвы – Не против если я тут задержусь на несколько дней?» – «Куча места» – Лазарь у него за спиной, в новом костюме и весь причесанный собрался клеить предвыпускных милашек, лишь кивает и улыбается и после этого мы закатываем большую пирушку и Лазарь наконец говорит «Где ты ночевал вчера?» а я говорю «На сортировке в Беркли» поэтому он спрашивает «Те что-нить снилось?» – И я рассказываю ему длинный сон. А в полночь когда мы с Саймоном вышли пройтись по всей Третьей улице попить вина и поболтать о девчонках и перекинуться парой слов с черномазыми шлюхами из отеля «Камео» через дорогу и сходить на Северный пляж поискать Коди и всю шарагу, Лазарь совсем один на кухне жарит себе три стейка перекусить среди ночи, он большой симпатичный чокнутый пацан, один из множества братьев Дарловских, большинство их в шизарне, по той или иной причине, а Саймон стопом проехал до самого Нью-Йорка чтобы спасти Лаза и привез его обратно чтоб тот жил с ним, на пособие, двое русских братьев, в большом городе, в пустоте, протеже Ирвина, Саймон писатель-кафкианец – Лазарь мистик глазающий на картинки с чудищами в диковинных журнальчиках, целыми часами, шарахается по всему городу как зомби, а когда ему было 15 он утверждал что будет весить 300 фунтов не пройдет и года а еще дал себе зарок заработать к Новому году миллион долларов – на эту вот чокнутую хазу частенько заходит Коди в своей обтрепанной синей спецовке тормозного кондуктора и садится за кухонный стол потом выскакивает наружу и прыгает к себе в машину вопя «Времени мало!» и мчится на Северный пляж искать всю кодлу или на работу ловить свой поезд, а девчонки повсюду на улицах и в наших барах и вся сцена Фриско это одно безумное кино – Я вижу как выхожу на эту сцену, иду по экрану, оглядываюсь, с опустошением покончено – Белые мачты кораблей у подножий улиц.

Вижу как брожу по оптовым рынкам – вниз мимо пустующего дома профсоюзов торгового флота где я так настойчиво пытался получить себе судно, много лет – Вот я иду, жуя плитку «Мистера Добробатона» —

Прохожу мимо универсального магазина «Гампи» и заглядываю в отдел художественных рам где работает Психея, всегда в джинсах и свитере у которого воротник хомутом и беленький воротничок выложен из-под низу наверх, ее брючки я бы просто стащил а хомут и воротничок и все остальное просто оставил все для себя и все так слишком сладко для меня – Я стою на улице и долго смотрю внутрь на нее – Украдкой проскакиваю несколько раз наш бар («Место») и заглядываю вовнутрь —

18

Просыпаюсь, и я на Пике Опустошения а ели неподвижны посреди голубого утра – Две бабочки соответствуют мирам гор как своему заднику – Мои часы оттикивают медленный день – Пока я спал и путешествовал в снах всю ночь, горы ничуть не сдвинулись с места и вряд ли им что-нибудь снилось —

Выхожу принести ведро снега себе в старую жестяную ванну которая напоминает моего деда в Нэшуа и обнаруживаю что лопата исчезла из сугроба на утесе, заглядываю вниз и вычисляю что сползать туда и карабкаться потом наверх будет очень долго а отсюда ее не видно – Потом вижу, прямо в грязи у подножия сугроба, на карнизе, спускаюсь очень осторожно, поскальзываясь в грязи, смеху ради выворачиваю из земли здоровый валун и пинаю его вниз, он с гулом летит и разбивается на скале и раскалывается надвое и громыхает 1500 футов дальше вниз дотуда где я вижу как последний его обломок катится по длинным снежным языкам и успокаивается у валунов со стуком что долетает ко мне лишь 2 секунды спустя – Тишина, прекрасная горловина не подает никаких признаков животной жизни, только ели да горный вереск да скалы, снег рядом со мной ослепляет бело под солнцем, я выпускаю вниз на небесное нейтральное озеро скорбный взгляд, маленькие розовые или почти коричневые облачка дрожат в его зеркале, я смотрю вверх и высоко в небе красно-коричневые шпильки могущественного Хозомина – Достая лопату и осторожно поднимаюсь по грязи, скользя – набиваю ведро чистым снегом, прикрываю запас морковки и капусты в новой глубокой снежной дыре и иду обратно, вываливаю ком в жестяную ванну и плещу водой через края на свой пыльный пол – Затем беру старое ведро и как японская старуха спускаюсь по прекрасным вересковым луговым и собираю хворост на растопку. По всему миру стоит субботний день.

19

«Окажись я сейчас во Фриско, – размышляю я сидя в кресле на закате дневных одиночеств, – я б купил здоровенную квартиру портвейна „Христианские Братья“ или какой-нибудь другой превосходной особой марки и поднялся бы к себе в китайгородский номер и вылил бы половину в пустую пинту, засунул бы ее в карман и отчалил бы по улочкам Китайгорода, наблюдая за детишками, маленькими китайскими детишками они такие счастливые ручонки обернуты ладонями родителей, я бы заглядывал в бакалейные лавки и видел бы ни к чему не причастных дзенских мясников что рубят головы цыплятам, я бы глазел истекая слюнками на прекрасных под румяной корочкой жареных уток в витрине, бродил бы везде, постоял бы и на углу Итальянского Бродвея, чтобы причаститься жизни, голубые небеса и белые облака над головой, я б вернулся и пошел в китайскую киношку со своей пинтой и сидел бы там из нее потягивая (с этого времени, с 5 часов вечера) целых три часа подрубаясь по прикольным сценам и неслыханным диалогам и сюжетным ходам и может кто-нибудь из китайцев увидел бы как я прикладываюсь к пинте и подумал бы „А, пьяный белый плисол в китайско кино“ – в 8 я б вышел в синие сумерки с мерцающими огоньками Сан-Франциско по волшебным холмам вокруг, снова бы наполнил пинту в гостинице и по-настоящему пустился бы в долгий поход по всему городу, нагуливать аппетит перед полуночным пиршеством в кабинке изумительного

старого ресторана Сунь Хён Хуня – Я перевалил бы через холм, через Телеграфный, и вниз до самого железнодорожного тупика там я знаю в узеньком закоулке место где можно сидеть и пить и паяться на огромный черный утес что обладает волшебными вибрирующими свойствами благодаря которым отражает послания роящегося святого света в ночи, я знаю я пробовал – затем, прикладываясь, потягивая, снова закручивая бутылочку, я иду своим одиноким путем вдоль по Эмбаркадеро сквозь районы ресторанов Рыбацкой пристани где тюлени разбивают мне сердце своим любовным кашлем, иду, мимо креветочных ларьков, наружу, мимо мачт последних судов в доках, а потом вверх по Ван-Несс и переваливаю вниз в Вырезку^[19] – подмигивают козырьки над входами и бары с вишенками в коктейлях, бледные личности старые кирюхи-блондинки ковыляют в брючках к винным лавкам – потом иду (вина чуть-чуть на доньшке а я торчу и радуюсь) вниз по главной артерии Маркет-стрит и кабацкой мешанине из моряков, киношек, и кафешек, через переулок и на Сволочной Ряд (там приканчиваю вино, среди скабрёзных старых парадных исписанных мелом и обоссанных и со стеклами вышибленными сотней тысяч скорбящих душ в лохмотьях из „Доброй воли“^[20]) (теми же мужиками что скитаются на товарняках и цепляются за клочки бумаги на которых всегда находишь какую-нибудь молитву или философию) – С вином покончено, я иду напевая и тихонько прихлопывая в ладоши в такт шагам до самой Кёрни обратно в Чайна-таун, уже почти полночь, и я сижу в китайгородском скверике на темной скамейке и дышу воздухом, упиваюсь пищевыми вкусными неонками моего ресторана что мигают на всю улочку, время от времени в темноте мимо проходят чокнутые пьянчуги шаря по земле ищут бутылки где еще что-то осталось, или бычки, а на той стороне Кёрни видишь как у здоровенной серой тюряги ходят туда-сюда синие фараоны – Затем захожу в ресторан, делаю заказ по китайскому меню, и тут же мне приносят копченую рыбу, тушеного цыпленка с карри, сказочные пироги с уткой, невероятно вкусные и нежные серебряные блюда (на ножках) с исходящими паром дивами, поднимаешь крышку и принимаешься – с чайником, чашкой, ах я все ем – и ем – до полуночи – может потом за чаем пишу письмо любимой Ма, рассказываю ей – потом всё, отправляюсь либо спать либо в наш бар, „Место“, чтоб найти там всю шарагу и напиться...»

20

Мягким августовским вечером продираюсь вниз по склону и отыскиваю обрывчик чтоб можно было сидеть скрестив ноги поблизости от елей и вывороченных старых древесных пней, лицом к луне, к желтому полумесяцу который тонет в горах на юго-западе – В западном небе, теплая роза – Около 8:30 – Ветерок над озером в миле внизу ароматен и напоминает про все мысли что бывали насчет очарованных озер – Я молюсь и прошу Пробуждающего Авалокитешвару^[21] возложить алмазную длань мне на чело и дать мне бессмертное понимание – Он Слышащий и Отвечающий На Молитву я знаю что эти дела самообман галлюцинация и чокнутые дела вообще но в конце концов только пробуждающие (Будды) говорили что их не существует – примерно через двадцать секунд такое вот понимание приходит мне в разум и в сердце: «Когда рождается ребенок он засыпает и ему снится сон жизни, когда он умирает и его хоронят в могиле он снова просыпается навстречу Вечному Экстазу» – «И когда все сказано и сделано, уже не важно» —

Да-а, Авалокитешвара и впрямь возложил свою алмазную длань...

И тогда вопрос почему, почему, это всего лишь Сила, единая ментальная природа истекающая бесконечными возможностями – Как странно читать что в Вене в феврале 1922-го (за месяц до моего рождения) то-то и то-то происходило на улицах, как могла существовать Вена, нет даже само понятие о Вене до того как я родился?! – Это потому что единая ментальная природа продолжается, не имеет ничего общего с отдельными прибывающими и убывающими носителями ее пребывающими в ней и содержащими ее – Так что 2500 лет назад был такой

Гаутама Будда, который придумал величайшую мысль во всем Человечестве, каплю в ведре те годы в ментальной Природе которая есть Вселенский Разум – В своем довольстве на горном склоне я вижу что Сила обретает восторг и радость как в невежестве так и в просветлении, иначе не было бы невежественного существования бок о бок с просветленным невежеством, чего ради Силе ограничивать себя одним или другим – либо в форме боли, либо как неосызаемые эфиры бесформенности и безболезненности, какое это имеет значение? – И я вижу как желтая луна тонет поскольку земля откатывается назад. Я выгибаю шею увидеть вверх тормашками и горы земли просто те же висящие пузырьки свисающие в безграничное море пространства – Ах, если б существовало иное зрение помимо глазного каких только атомных иноуровней мы б ни увидели! – однако мы видим здесь луны, горы, озера, деревья и разумных существ и больше ничего, своим *глазным* зрением – Сила наслаждается всем этим – Она себе напоминает что она есть Сила, вот почему, ибо она, Сила, на самом деле лишь исступление, и ее проявления видят сны, она Золотая Вечность, вечно безмятежная, сей неясный сон существования просто смуть в своем – у меня не хватает слов – Теплая роза на западе становится приглушенным пастельным парком серого, мягкий ветер вздыхает, зверюшки шелестят в вереске и в норках, я меняю отсиженные ноги, луна желтеет и тает и наконец давай стучаться о самый верхний утес и как всегда видишь силуэт в его волшебном очаровании какой-нибудь коряги или пня похожий на легендарного Койотля, Бога Индейцев, вот щас завоюет на эту Силу —

О что за мир и довольство меня обволакивают, когда возвращаюсь к себе в хижину зная что мир есть сон младенца и исступление золотой вечности вот и все к чему мы возвращаемся, к сущности Силы – и к Первобытному Восторгу, *нам всем он знаком* – Я лежу на спине в темноте, сцепив руки, радостный, а северное сияние пылает как голливудская премьера и на него тоже я гляжу вверх тормашками и вижу что это просто большие куски льда на земле отражают потустороннее солнце в дальнем свете дня, по сути, к тому же силуэт кривизны земной поверхности также виден, изгибается на ту сторону и вокруг – Северное сияние, такое яркое что освещает всю мою хижину, словно ледяные луны.

Какое довольство знать что когда все сказано и сделано уже не имеет значения – Горести? жалобности что я ощущаю думая о матери? – но все должно быть возбуждено и запомнено, его не существует самого по себе, и это потому что ментальная природа по природе своей свободна от сна и свободна от всего – Будто философы-деисты с трубками что говорят «О замечательное творение Господа, луну, звезды и т. д., ты на что-нибудь согласился бы это променять?» не осознавая что они бы этого не говорили вовсе если б не какая-то первобытная память о том когда, о том что, а том как ничего не было – «Это лишь недавно», понимаю я, глядя на мир, некий недавний цикл творения Силой чтобы ей самой радоваться напоминая своему беззговому эго что она и есть Сила – и все это по своей сущности роящаяся нежная тайна, которую видно закрыв глаза и впустив вечное молчание себе в уши – в эту благословенность и блаженство определенно нужно верить, дорогие мои —

Пробуждающие, ежели предпочтут, рождаются младенцами – Это мое первое пробуждение – Нет никаких пробуждающих и никакого пробуждения.

У себя в хижине лежу я, вспоминая фиалки у нас на заднем дворе на Фиби-авеню, когда мне было одиннадцать, по ночам в июне, смутный сон, эфемерный, призрачный, давно ушедший, уходящий все дальше, пока не выйдет весь.

21

Просыпаюсь среди ночи и вспоминаю Мэгги Кэссиди и как мог бы жениться на ней и был бы старым Финнеганом для ее Ирландской Девыцы Плюрабель^[22], как мог бы снять домик, маленький полуразвалившийся коттедж ирландской розы среди камышей и старых дерев на берегах Конкорда и работал бы суровым в спецовке рукавицах и бейсбольной кепке сцепщиком

в холодной ночи Новой Англии, ради нее и ее ирландских бедер слоновой кости, ради нее и ее зефирных губ, ради нее и ее ирландского акцента и «Зеленой Божьей Земли»^[23] и двух ее дочерей – Как раскладывал бы ее поперек кровати ночью всю мою и старательный искал бы ее розу, копи ее сути, то изумрудно-темное и героическое чего хотел – вспоминаю ее шелковистые бедра в узких джинсах, и как она сидя подворачивала одно бедро под руки и вздыхала когда мы вместе смотрели Телевидение – в гостиной у ее матери в тот мой последний неотвязный приезд 1954 года в октябрьский Лоуэлл – Ах, выющиеся розы, речной ил, течение ее, глаза – Женщина для старика Дулуоза? Невероятно у моей печки в полуночи опустошения не может быть правдой – Мэгги Приключение —

Когти черных деревьев в залитых лунным светом розовых сумерках могут стать и по случаю удержать мне и премного любви, а я всегда могу оставить их и странствовать дальше – но когда состарюсь у своей финальной печки и птичка рассыплется на веточке праха в О Лоуэлле, что подумаю я, ива? – когда ветра заползают мне в спальник а голая спина хандрит голоспленным блюзом и уйду я согбенный по своим похвальным делам и обязанностям в покрытую дерном почву, что за любовные песни тогда для старого лодыря дерзили туманного Джека О —? – никакие новые поэты не принесут свои лавры медом к моему млеку, насмешки – Насмешки женской любви были б лучше я полагаю – Я бы сваливался с лестниц, брабах, и настирал бы себе речного белья – насплетничал себе бельевого веревка – напроветривал бы себя по понедельникам – нафантазировал бы себе домохозяйкиных Африк – наплодил бы себе как Лир дочерей – выклянчил бы себе мраморное сердце – но все это могло быть лучше чем может быть, одинокие нецелованные губы Дулуоза мрачно кривятся в склепе.

22

По воскресеньям рано утром я всегда вспоминаю дом у Ма на Лонг-Айленде, в последние годы, когда она читает воскресные газеты а я встаю, залезаю под душ, выпиваю чашку вина, смотрю таблицу очков а после съедаю очаровательный завтрак что она мне накроет, стоит лишь ее попросить, и она по-особому подрумянит бекон по-особому поджарит глазунью – Телевизор еще не включен ибо в воскресенье по утрам нет ничего достойного внимания – Я печалюсь думая как седеют у нее волосы а ей 62 и будет 70 когда мне стукнут совиные 40 – скоро она уже будет моей «старенькой мамой» – в койке я пытаюсь думать как стану о ней заботиться —

Затем пока день тянется а воскресенье тащится дальше и горы напяливают благочестивую скучноватую наружность Шаббатини я то и дело вместо этого начинаю думать о прежних днях в Лоуэлле когда кирпичные фабрики были так полны привидений у реки около 4 пополуночи, ребятишки возвращались домой из воскресного кино, но О печальный краснокирпич и в Америке видишь его повсюду, в краснеющем солнце, и облака за ним, и люди в выходных костюмах здесь повсюду – Мы все стоим на грустной земле отбрасывая длинные тени, дыхание обрезано плотью.

Даже в топотке мышки на чердаке моей хижины по воскресеньям есть какая-то воскресная святость, как будто церквохождение, церковность, проповедование – Мы попробуем и прихлопнем.

По воскресеньям мне в основном скучно. И всем моим воспоминаниям скучно. Солнце слишком златоярко. Я содрогаюсь при мысли о том, чем люди занимаются в Северной Каролине. В Мехико они бродят жуя обширные планки жареной свиной шкуры, среди сквериков, даже их воскресенья это Чума – Должно быть День Седьмой изобрели для смягчения радости.

Для нормальных крестьян воскресенье это улыбка, для нас же черных поэтов, фу – Полагаю воскресенье есть зеркальце Господа Бога.

Сравните погосты в пятницу ночью, с кафедрами воскресного утра —

В Баварии мужики с голыми коленками расхаживают заложив руки за спину – Мухи дремлют за кружевной занавеской, в Калэ, а за окном видны парусные шлюпки – По воскресеньям Селин зевает а Жене умирает^[24] – Москва не помпезна – Только в Бенаресе по воскресеньям орут разносчики да заклинатели змей открывают свои корзинки лютней – На Пике Опустошения в Высоких Каскадах, по воскресеньям, фу —

Я думаю в частности о той стене «Шеффилдской молочной компании» из красного кирпича у главной ветки Лонг-Айлендской Железной Дороги в Ричмонд-Хилле, грязные следы работяжских машин оставленные на стоянке на всю неделю, один-два позабытых автомобиля Воскресной Смены стоят там теперь, в лужах с бурой водой проплывают облака, палки и банки и тряпки отбросов, местный автобус едет мимо с бледными пустыми лицами Воскресных Ездоков – предвещая призрачный день когда промышленная Америка будет покинута и оставлена ржаветь одним долгим Воскресным Днем забвенья.

23

Со своим уродливым множеством ножек-присосок зеленая горная гусеница пребывает в этом вересковом мире, головка как бледная капелька росы, жирное тельце вытягивается прямо вверх ползти, свисая вверх тормашками словно южноамериканский муравьед юлить и шарить и раскачиваться из стороны в сторону в поиске, затем вскинувшись как мальчишка забравшийся на нижнюю ветку она распрямляется укрытая веточками вереска и щиплет и чудовищно набрасывается на невинную зелень – часть зелени, она и есть, коей дарован был сок движения – она изгибается и вглядывается и суется своей башкою во все – она в джунглях пестрых тенистых старых прошлогодне серых иголок вереска – иногда неподвижная будто боа-констриктор на картинке она зыркает в небеса беспесенным взором, спит змееголово, затем сворачивается внутрь как лопнувшая трубка когда я на нее дую, скорая на увертку, быстрая на отступление, покорная на повиновение ровному повелению лежать тихо которое имеют в виду небеса что б ни сподобилось с них – Вот она очень печальна поскольку я дую еще раз, никнет головою на плечо в кручине, я отпущу ее на свободу скитаться без присмотра, прикинувшись мертвым, насколько ей ведомо – вот она ползет исчезая, слегка подрагивая в джунглях, приглядевшись поближе к этому миру я понимаю что и над ней преобладают немногие плоды а затем бесконечность, она тоже перевернута вверх тормашками и льнет к своей сфере – мы все безумны.

Сию недоумевая не будут ли и мои путешествия по Побережью до Фриско и в Мексику такими же прискорбными и безумными – но клянусь ей-иисусом их Христом это лучше чем болтаться на *вот этой* скале —

24

Некоторые дни на горе, хоть и жаркие, но пропитаны чистой прохладной красой какая предвещает октябрь и мою свободу на индейском Плоскогорье Мексики где будет еще чище и прохладнее – О старые сны сившиеся мне о горах мексиканского плато где небеса наполнены облаками словно бородами патриархов и в самом деле я и сам Патриарх стою в развевающихся одеждах на зеленом холме золота – В Каскадах лето может в августе жарить но Осень напоминает вам, особенно на восточном склоне моей горушки под конец дня, вдали от жжения солнца, где воздух резок и высокогорен а деревья хорошенько завяли к началу конца – Потом я думаю о чемпионате мира, о шествии футбола по всей Америке (крики увлеченного среднезападного голоса по шероховатому радио) – думаю о полках с вином в магазинах вдоль основной линии Калифорнийской Железной Дороги, думаю о гальке в почве Запада под громадными Осеннегулкскими небесами, я думаю о длинных горизонтах и равнинах и об окончательной пустыне с ее кактусами и сухими мескитами что стелются до красных столов плоскогорий очень далеко

куда моя старая надежда путешественника вечно стремится и стремится и лишь возвращается пустотой из ниоткуда, долгая мечта автостопщика и бродяги с Запада, скитальцев вслед за урожаем что спят в мешках куда собирают хлопок и покоятся удовлетворенные под ярко вспыхивающей звездой – Ночью, Осень намекает посреди Лета Каскадов когда видишь Венеру красную у себя на холме и думаешь «Кто будет моею дамой?» – Это все, мерцание дымки и зудящие жуки, будет стерто с грифельной доски лета и зашвырнуто к востоку нынешним рьяным морским западным ветром и вот тогда летящевласый затопая я вниз по тропе в последний раз, с рюкзаком и прочим, распевая снегам и соснам, по пути к дальнейшим приключениям, к дальнейшему томлению по приключениям – и целиком за мной (и за вами) океан слез который был этой жизнью на земле, такой древний, что когда я смотрю на свои панорамные снимки района вокруг Опустошения и вижу старых мулов и жилистых чалых лошадок 1935 года (на картинке) привязанных к ограде загона которой больше нет, я дивлюсь что горы выглядели точно так же в 1935-м (Старая Гора Джека точь-в-точь до тонкостей даже снег так же лежал) как и в 1956-м так что старость земли поражает меня и я вспоминаю искони что она была такой же, они (горы) выглядели точно так же и в 584 г. до н. э. – и все такое но оседала морская морось – Мы живем чтоб желать, вот я и пожелаю, и запрыгаю вниз с этой горы высочайше совершенно зная или не высочайше совершенно зная полный славящего невежественного стремления искриться везде —

Позже днем поднимается западный ветер, прилетает с неулыбчивых западов, невидимый, и шлет свои чистые посланья сквозь все мои трещины и ставни – Больше, больше, пусть ели вянут больше, я хочу видеть как белое удивит юг —

25

Ноумены вот что видишь как закроешь глаза, этот нематериальный золотой пепел. Та, Золотой Ангел – Феномены вот что видишь с открытыми глазами, в моем случае мусор одной тысячи часов житья как концепции в горной хижине – Вон, на верху поленницы, выброшенный вестерн, фу, ужасно, книжка полная сентиментальных соплей и многоречивых пояснений, глупый диалог, шестнадцать героев с двустволками на одного негодяя-неудачника который мне, пожалуй, нравится из-за своей вспылчивости и топочущих сапог – единственная книжка которую я выбросил – Над нею, в углу подоконника стоит банка из-под «Макмиллановского» Безосадочного Масла где я храню керосин дабы разжигать огонь, разводить костры, как колдун, обширные глухие взрывы у меня в печке на которой закипает кофе – сковородка моя висит на гвозде над еще одной (чугунной) сковородой слишком большой и неудобной но у той какой я пользуюсь струйки жира стекают по внешним краям точно ленточки спермы, которые я счищаю и стряхиваю в поленницу, какая разница – Затем старая печка с баком для воды, непреходящей кофейной кастрюлькой с длинной ручкой, заварник для чая редко используемый – Затем на столике большой засаленный таз для мытья посуды со всем окружающим его снаряжением стальной щеточкой, тряпками, терками, ершиком, сплошь помойка, с вечной лужицей черной пенистой воды под донышком которую я промакиваю раз в неделю – Затем полка с консервами медленно убывающими, и с другим провиантом, коробка мыла «Чисть» с хорошенькой домохозяйкой что показывает нам коробку «Чистя» говоря при этом «Просто созданы друг для друга» – Коробка «Бисквика» оставленная здесь другим наблюдателем которую я так и не открывал, банка с сиропом который я не люблю – отдам муравейнику во дворе – старая банка арахисового масла оставленная тут каким-то наблюдателем предположительно еще когда Трумен был президентом очевидно по старой гнилой ореховой вониз нее – Банка в которой я мариновал лук, она пахнет крутым сидром когда над нею поработает полуденное солнце, и превращается в прокисшее вино – бутылочка подливки «Кухонный Букет», хорошо добавлять в рагу, ужасно отмывать с пальцев – Коробка «Обеда из Спагетти Шефа Боярди»,

что за веселенькое названьице, так и представляю себе «Королеву Марию»^[25] на стоянке в Нью-Йорке и шеф-повары выходят покорять город в своих беретиках, к сверкающим огням, или же воображаю какого-нибудь липового шефа с усиками распевającego в кухне итальянские арии в телепередачах по домоводству – Кучка пакетиков порошкового супа с зеленым горошком, он неплох с беконом, так же хорош как в «Уолдорфе-Астории» и это к нему приучил меня Джарри Вагнер когда мы с ним пошли в поход и стали лагерем на лугах Потреро-Мидоуз и он вывалил шкворчащий бекон прямо в целый котелок супа и тот был богат и густ в дымном ночном воздухе у ручья^[26] – Затем наполовину опустошенный целлофановый кулек коровьего гороха и мешок Ржаной Муки для оладий и лепить лепешки – Затем банка соленых огурчиков забытая в 1952 году и перемерзшая за зиму поэтому от огурчиков остались лишь стручки с наперченной водичкой похожие на мексиканский зеленый перец в банке – Коробка кукурузной муки, непечатавшая банка «Пекарного Порошка Калюмет» с Вождем в полном уборе из перьев – новая неоткрытая банка черного перца – Коробки с «Липтонским» супом оставленные тут Старинной Эдом предыдущим одиноким мудилой – Потом банка маринованной свеклы, рубиново-темной и красной с несколькими отборными луковичками белеющими за стеклом – затем банка меда, уже полупустая, ушедшая на горячее-молоко-с-медом холодными ночами когда мне плохо или болею – Нераспечатанная банка кофе «Дом Максвелла», последняя – Баночка красного винного уксуса которым я никогда не воспользуюсь вот бы он стал вином он и похож на вино такой же красный и темный – За ними, новая банка черной патоки, которую я пью иногда прямо из широкого горлышка, полный рот железа – коробка «Ржанных Хрустиков», это сухой грустный концентрированный хлеб для сухих грустных гор – И целый ряд банок оставленных здесь много лет назад, с замерзшей и обезвоженной спаржей которая так эфемерна на вкус что будто воду сосешь, даже еще бледнее – Консервированные вареные картофелины как скукоженные головы и бесполезные – (их только олени и едят) – последние две банки аргентинского ростбифа, из первоначальных 15, очень хорошего, когда я прибыл на пост в тот холодный ненастный день вместе с Энди и Марти верхом обнаружил консервированного мяса и тунца на 30 центов, все доброкачественное, чего по своей скарденности я так и не додумался купить – Сироп лесорубов, большая высокая банка тоже оставшийся подарочек, под мои вкусняющие лепешки – Шпинат, как железо, никогда не теряет вкуса после нескольких лет на полке – Коробка с картошкой и луком, о вздох! как бы мне хотелось газировки с мороженым и стейка из филея!

«Ла Ви Паризьен»⁴, я представляю себе его, ресторан в Мехико, вхожу и сажусь за богатую скатерть, заказываю хорошего белого Бордо и филе-миньон, на десерт пирожные и крепкий кофе и сигару. Ах и гуляючи иду вниз по бульвару Реформа к интересным тьмам французского кино с испанскими субтитрами и с внезапно громяющей мексиканской Кинохроникой

Хозомин, скала, никогда не ест, никогда не копит мусора, никогда не вздыхает, никогда не мечтает о дальних городах, никогда не ждет Осени, никогда не лжет, хотя может и умирает – Тю.

Каждую ночь я по-прежнему спрашиваю Господа: «Почему?» и до сих пор не получил вразумительного ответа.

26

Вспоминая, вспоминая, тот сладкий мир такой горький на вкус – тот раз когда я проигрывал «Отче Наш» Сары Вон^[27] на своей маленькой вертушке в Скалистых Горах и цветная горничная Лула плакала в кухне поэтому я отдал ей пластинку чтобы теперь по утрам в вос-

⁴ Парижская жизнь (искаж. фр.).

кресенье среди лугов и поросших сосняком пустошей Северной Каролины, из старого скудного дома ее старика с крохотным крылечком вырывался голос Божественной Сары – «да приидет Царствие Твое, и Власть, и Слава, навеки, а минь» – как он ломается звенящим колоколом на «а» в «аминь», дрожа, как и положено голосу – Горький? поскольку жуки бьются в смертной агонии на столе даже когда думаешь, бессмертное дурачье что встает и уходит и возрождается, подобно нам, «челым векам» – как крылатые муравьи, мужские особи, отвергаемые самками и идущие на смерть, как совершенно тщетно карабкаются они по оконным стеклам и просто-напросто отваливаются когда заберутся на самый верх, и пробуют заново, пока изможденные не умирают – А тот кого я видел как-то днем на полу у себя в хижине он просто бился и бился в грязной пыли в каком-то фатальном безнадежном припадке – ой, как и мы сами, видим мы это или нет – Сладкий? но столь же сладок в кастрюльке булькает обед а у меня текут слюнки, дивная кастрюлька с зеленой репой, морковкой, ростбифом, лапшой и специями которую я сварил однажды вечером и съел гологрудый на пригорке, сидя по-турецки, из маленькой мисочки, палочками, распевая – Потом теплые лунные ночи еще виднеется красный проблеск на западе – достаточно сладко, ветерок, песни, густой сосновый лес внизу в долинах трещин – Чашка кофе и сигарета, к чему дзадзен?^[28] а где-то люди сражаются страшными карабинами, груди у них перекрещены патронташами, ремни оттянуты книзу гранатами, томимые жаждой, усталые, голодные, испуганные, обезумленные – Должно быть помыв мир Господь намеревался включить в него и меня и мое печальное несклонное больсердце И Быка Габбарда катающегося по полу от хохота над дуростью людей —

По ночам за столом у себя в хижине я вижу свое отражение в черном окне, грубо-рого мужика в грязной драной рубашке, давно не бритого, хмурого, губастого, глазастого, волосастого, носастого, ушастого, рукастого, шеястого, кадыкастого, бровастого, отражение сразу за которым лишь пустота 7 000 000 000 000 световых лет бесконечной тьмы продырявленной произвольным ограниченно-представимым светом, и все же в глазах у меня огонек и я распевая похабные песни про луну в переулках Дублина, про водку хой хой, а затем сердечные мексиканские закатно-над-скальные про амор, коразон⁵ и текилу – Мой стол завален бумагами, прекрасными на вид если смотреть полуприщурившись нежно молочный мусор груды бумаг, словно некий старый сон о картинке с бумагами, словно бумаги грудой наваленные на столе в мультике, словно реалистическая сцена из старого русского фильма, а масляная лампа затеняет некоторые наполовину – И пристальнее вглядываясь в свое лицо в жестяном зеркальце, я вижу голубые глаза и красную от солнца физиономию и красные губы и недельную бороду и думаю: «Мужество требуется для того чтобы жить и глядеть в лицо железной неизбежности „умри-же-дурень“? Не-а, когда все сказано и сделано уже не важно» – Так должно быть, это *и есть* Золотая Вечность развлекающаяся кинофильмами – Мучьте меня в танках, во что еще могу я верить? – Отрубайте мне члены мечом, что должен я делать, ненавидеть Калинин^[29] до самой горькой смерти и дальше? – Пра^[30], это разум. «Спи в Небесном Мире». —

27

Ни с того ни с сего невинным лунным вечером во вторник я включаю радио послушать треп-сейшн и слышу всеобщее возбуждение по поводу молнии, Объездчик передал Пэту на Кратерной Горе чтоб я вышел на связь немедленно, что я и делаю, он говорит «Как там у тебя с молнией?» – Я говорю: «Здесь наверху ясная лунная ночь, дует северный ветер» – «Ну ладно, – говорит он немного нервно и встревоженно, – наверно ты живешь правильно» – И тут я вижу вспышку к югу – Он хочет чтобы я вызвал маршрутную бригаду с Большого Бобра, что я и делаю, никакого ответа – Внезапно вся ночь и радио заряжены возбуждением, вспышки

⁵ Любовь, сердце (искаж. исп.).

на горизонте как предпоследняя строфа Алмазной Сутры (Гранильщик Мудрого Обета)^[31], из вереска доносится злое, шум ветра в такелаже хижины приобретает гиперподозрительный оттенок, кажется будто шесть недель одинокого скучного уединения на Пике Опустошения подошли к концу и я снова *внизу*, из-за одной лишь дальней молнии и дальних голосов и редкого дальнего бормотанья грома – Луна сияет, гора Джека затерялась за тучами, а Опустошение нет, я могу лишь различить как Снежные Поля Джека хмурятся в своем сумраке – огромная летучая мышь 30 миль или 60 миль размахом медленно надвигается, дабы вскоре изничтожить луну, которая заканчивается печалью в своей колыбельке сквозь дымку – я меряю шагами продуваемый ветром двор чувствуя себя странно и радостно – молния желтопляшет по хребтам, уже начались два пожара в Лесу Пасейтен если верить возбужденному Пэту на Кратере который говорит «Я тут оттягиваюсь отмечаю удары молнии» что ему вовсе не обязательно делать это так далеко и от него и от меня в 30 милях – Расхаживая, думаю о Джарри Вагнере и Бене Фейгане которые писали стихи на этих наблюдательных постах (на Закваске и на Кратере) и жалко что не увижу их странно не почувствую что уже спустился с горы и со всей этой проклятой дрянью скуки покончено – Почему-то из-за этого возбуждения дверь моей хижины еще больше возбуждает когда я открываю и закрываю ее, она кажется *населенной*, о ней стихи написаны, ванны и ночь с пятницы на субботу и мужчины в миру, *ничто*, что-то делать, или быть – Уже не Ночь Вторника 14 Августа на Опустошении а Ночь Мира и Вспышки Молнии и вот я хожу думая строчки из Алмазной Сутры (на тот случай если молния настанет и скрутит меня в моем спальнике от страха перед Господом или от сердечного приступа, гром раскалывается прямо о мой громоотвод) – «Если последователь станет лелеять ограниченное суждение о реальности чувства своей самости, о реальности чувства живущих существ, или о реальности чувства универсального я то он будет лелеять то что является несуществующим» (мой собственный парафраз) и вот сегодня ночью как никогда я вижу что эти слова истинны – ибо все эти феномены, то что виднеется, и все ноумены, то что не виднеется, суть утрата Царствия Небесного (и даже еще не она) – «Сон, фантазм, пузырь, тень, вспышка молнии...»

«Я пойму и дам тебе знать – опа-ля, еще одна – значит пойму и дам тебе знать, а-ау, как оно все», – говорит Пэт по радио стоя у своего пожароискателя отмечая крестиками те места куда по его разумению бьет молния, он говорит «Опа-ля» каждые 4 секунды, я соображаю как на самом деле он смешон со своими «опа-ля» типа как мы с Ирвином с нашим «Капитаном Оп-ля» – Капитаном Чокнутого Корабля по трапу которого в день отхода строем поднимались на борт всевозможные вампиры, зомби, таинственные путешественники и переодетые клоуны-арлекины, а когда *ан рут сюр ле вояж*⁶ судно достигает края света и уже готово плюхнуться через него, Капитан говорит «Оп-ля»

пузырь, тень —
опа-ля —
Вспышка молнии

«Опа-ля», – говорят люди суп мимо ля – Это и впрямь ужасно, но тот-кто-движется-проездом-через-всё в самом деле должен радоваться всему происходящему, счастливый жизнерадостный сволочуга – (рак жизнерадостен) – поэтому если разряд молнии испепелит Джека Дулуоза в его Опустошении, улыбайтесь, Старина Татхагата насладится этим как оргазмом и даже еще не им

⁶ По пути в путешествие (*искаж. фр.*).

28

Шишш, шишш, шипит ветер принося пыль и молнию все ближе – Тик, говорит громоотвод принимая прядь электричества от удара в Пик Скаджит, великая сила молчаливо и ненавязчиво соскальзывает сквозь мои защитные стержни и кабели и исчезает в землю опустошения – Никаких раскатов грома, только смерть – Шишш, тик, и у себя в постельке я чувствую как шевелится земля – В пятнадцати милях к югу чуть восточнее Рубиновой Горы и где-то поблизости от Ручья Пантеры надо думать неистовствует крупный пожар, громадное оранжевое пятно, в 10 часов электричество притянутое к жару бьет в него снова и там все вспыхивает катастрофически, далекое бедствие от которого я непроизвольно вскрикиваю «Оу уау» – Кто ж выжигает себе глаза плача там?

Гром в горах —
утюг
материнской любви

И в сгущенном электрическом воздухе я ощущаю воспоминание о Лэйквью-авеню около Льюпайн-роуд где я родился, однажды бурной ночью летом 1922 года с копотью оседающей на влажную мостовую, трамвайные рельсы наэлектризованы и сияют, мокрые леса за ними, моя апоклоптатическая паратоманотическая детсколяска дрыгывается на крылечке блюза, мокрая, под фруктовым светом как весь Татхагата поет в горизонтальной вспышке и грум брум гром с самого дна чрева. Зámок в ночи —

Около полуночи я так пристально выглядывал в темное окно что мне начали везде мерещиться пожары и вблизи тоже, целых три в самом Ручье Молнии, фосфоресцирующие оранжевые еле различимые вертикали призрачного пламени что вспыхивают и гаснут в моих роящихся наэлектрифицированных глазницах – Буря продолжает их убаюкивать проносясь где-то в пустоте и вновь ударяясь о мою гору, поэтому в конце концов я засыпаю – Просыпаюсь под стук дождя, серо, с надеждой серебристых дыр в небесах к югу от меня – там на 177°16' где я видел большой пожар теперь вижу странную бурю заплату среди вездешних заснеженных скал показывающую где пожар бушевал и плевался во всеобщем дожде – Вокруг Молнии и Коричного никаких признаков вчерашних пожаров-призраков – Туман сочится, дождь падает, день захватывающ и волнующ и наконец в полдень я чувствую как грубая белая зима Севера мчится ветром с Хозомина, ощущение Снега в воздухе, железно-серые и стально-голубые вездескалы – «Ух, ну она дала!» ору я без передыха моя посуду после хорошего после восхитительного завтрака из блинчиков с черным кофе.

Дни идут —
не могут остаться —
Я не осознаю

Я думаю это пока обвожу кружочком 15 августа в календаре и смотрю, уже 11:30 на часах а значит день наполовину кончился – Мокрой тряпкой на дворе стираю летнюю пыль со своих загубленных башмаков, и хожу и думаю – Дверная петля уборной разболталась, труба сбита набекрень, мне придется ждать еще целый месяц чтобы порядочно вымыться, а мне плевать – Возвращается дождь, все пожары растратят свой порошок – Во сне мне снится что я оспаривал какое-то желание Эвелин жены Коди касательно их дочери, на какой-то солнечной барже с домиком в солнечном Фриско, и она одаряет меня мерзейшим взглядом в истории ненависти и посылает мне электрический разряд что волной шока сотрясает мне все нутро но я полон

решимости не бояться ее и держусь за свои соображения и продолжаю спокойно говорить не вылезая из кресла – Та же самая баржа где мать развлекала Адмиралов в одном старом сне – Бедная Эвелин, она слышит как я соглашаюсь с Коди что было глупо с ее стороны отдавать единственный торшер епископу, над немывыми тарелками сердце у нее колотится – Бедные человеческие сердца колотятся везде.

29

В тот дождливый день, согласно обещанию что я дал себе в память о чудесном рисе по-китайски который Джарри приготовил в апреле для нас в хижине долины Милл-Вэлли, я сделал на горячей печке сумасшедший китайский кисло-сладкий соус, состоящий из зелени репы, кислой капусты, меда, патоки, красного винного уксуса, свекольного маринада, соусного концентрата (очень темного и горького) и пока он закипает на плите а на котелке с рисом пляшет крышка я расхаживаю по двору и говорю «Китайська обед всигда осень холосо!» и вспоминаю с налету своего отца и Чина Ли в Лоуэлле, вижу кирпичную стену за стеклами кабинок ресторана, душистый дождь, дождь красного кирпича и китайских обедов на Сан-Франциско через одинокие дожди равнин и гор, вспоминаю плащи и зубастые улыбки, это обширное неизбежное видение с бедной обманутой рукой чего? – тумана – тротуаров, или же города, сигарного дыма и уплаты у стойки, и как Китайские Повара всегда зачерпывают круглый черпак риса который подается вам прямо в кабинку вместе с безумно ароматными – «Китайська обед всигда осень холосо» – и я вижу поколения дождя, поколения белого риса, поколения кирпичных стен со старомодными красными неоновыми вывесками что мигают на них как теплый компост пламени кирпичной пыли, ах сладкий неопиcуемый зеленеющий рай бледных попугайчиков и твякающих дворняжек и старых Дзенских Психов с посохами, и китайских фламинго, которых видишь на изумительных Вазах Династии Мин^[32] и других династий поскучнее – Рис, дымящийся, запах его так богат и лесист, вид его чист как несущиеся облака озерной долины как сегодня с китайська обедом когда ветер побуждает их струиться и роиться над позициями молодых елей, к грубой мокрой скале —

30

Мне снятся женщины, женщины в узеньких трусиках и небрежном неглиже, одна сидит рядом и застенчиво убирает мою вялую руку со своего местечка в мягком валике плоти но даже тогда я не делаю ни малейшего усилия так или иначе рука остается где была, остальные женщины и даже тетушки наблюдают – Наступает миг когда эта жуткая заносчивая стерва которая была моей женою отходит от меня в туалет, высокомерно, говоря что-то гадкое, я смотрю на ее худую попу – я натуральный придурок в бледных домах поработенный похотливой тягой к женщинам которые меня ненавидят, они разлазывают свою продажную плоть по всем диванам, это все один мясной котел – все это безумие, мне следует отречься и выдать им всем по первое число и рвануть дальше по чистым рельсам – Я просыпаюсь радостный оттого что спасен в глухомани гор – За этот горбатый валик плоти с сочной дыркой я бы просидел вечности ужаса в серых комнатах освещенных серым солнцем, с фараонами и алиментчиками, у дверей а за ними тюрьма? – Это кровотокающая комедь – Великие Мудрые Стадии жалостного понимания что характеризует Величайшую Религию ускользают от меня когда дело доходит до гаремов – Гарем-пáрим, это все уже на небесах – благослови их все их блеющие сердца – Некоторые агнцы женского полу, у некоторых ангелов женские крылья, в конце концов все это матери и простите мне мою сардонию – извините меня за мою течку.

(Хо-хо-хо)

31

22 августа такая смешная дата в моей жизни, то был (несколько лет) кульминационный (почему-то) день когда проводились самые крупные мои гандикапы и дерби в Торфе которые я устраивал ребенком в Лоуэлле, скаковые мраморные шарики – К тому же то был август прохладный конец лета, когда деревья звездных ночей шелестели с особой роскошью за моим открытым окном с летней рамой и когда береговой песок становился прохладным на ощупь и маленькие раковинки поблескивали в нем и поперек лунного лика проносилась Тень Доктора Сакса^[33] – Ипподром «Могикан-Спрингз» был особым кондовым туманным скаковым кругом на западе Массачусетса где призовой фонд поменьше а завсегдатаи и жокеи постарше и выдержанные лошади и конюхи из Восточного Техаса и Вайоминга и старого Арканзаса – Весной там проводились Могиканские Дерби обычно для кляч-трехлеток, но большой Августовский Гандикап был поистине народным событием на которое стекалось лучшее общество Бостона и Нью-Йорка и вот тогда-то Ах когда лето кончалось, у результатов скачек, у имени победителя, появлялся осенний аромат так пахнут яблоки уже собранные в корзины Долины и сидр и трагическая конечность, а солнце заходит за старые конюшни «Могикана» последним теплым вечером и вот луна уже светит печальноликая сквозь первые железные и массивные концентраты Осенней тучи и скоро станет холодно и все сделано —

Пацанячьи сны, и весь этот мир не более чем один большой сон сделанный из вновь разбуженного материала (чтобы вскоре пробудиться еще раз) – Что может быть прекраснее —

Чтобы завершить, увенчать и драматизировать мое 22 августа, именно того числа, в день когда в 1944 году был освобожден Париж, меня выпустили из тюрьмы на 10 часов чтоб я смог жениться на своей первой жене жарким нью-йоркским полднем в окрестностях Чэмберз-стрит, вместе со свидетелем-детективом с револьвером в кобуре – как далек этот крик от грустно-задумчивого Ти Пусса^[34] с его головными болями, его аккуратно заполненными формулярами для «Могикан-Спрингз», его невинной комнаткой, до заматеревшего злого на вид моряка на буксире у легавого каковой моряк женится в кабинете у судьи (поскольку районный прокурор посчитал будто невеста беременна) – Далекий крик, я так деградировал тогда, в тот август месяц, отец даже не желал со мною общаться, не говоря уж о том чтобы брать меня под залог – Нынче августовская луна сияет сквозь драные новые тучи которые не августпрохладны а августстхолодны, и Осень в самом внешнем виде елей когда они маячат на фоне далеко-нижнего озера в послесумеречье, все небо снежно-серебристо и ледяно и дышит туманом мороза, это скоро закончится – Осень в Долине Скаджит, но как же мне забыть Осень еще безумнее в Долине Мерримак где она бывало хлестала серебряную стонавшую луну слюнями холодного тумана, пахла садами, и дегтярными крышами чернильно-ночных цветов что пахли так же богато как и ладан, древесный дым, дым листвы, речной дождь запах холода на штанишках до колен, запах отворяемых дверей, двери в Лето открылись и впустили ненадолго ликующую осень с ее яблочной улыбочкой, а за осенью ковыляет старая искристая зима – Невообразимая потаенность закоулков между домами в Лоуэлле в первые Осенние ночи, будто амини падали подле сестер там – Индейцы в зевах дерев, индейцы в подошвах земли, индейцы в корнях дерев, индейцы в глиноземе, индейцы там – Что-то стрелой проносится мимо, не птица – Шлепки каноэ, озеро в лунном свете, волк на холме, цветок утрата – Поленица, амбар, лошадь, коновязь, изгородь, мальчик, земля – масляная лампа, кухня, ферма, яблоки, груши, дома с привидениями, сосны, ветер, полночь, старые одеяла, чердак, пыль – Изгородь, трава, ствол дерева, тропинка, старые увядшие цветы, старая кукурузная шелуха, луна, расцвеченные сгустки облаков, огни, магазины, дорога, ноги, башмаки, голоса, витрины лавок, двери открываются и закрываются, одежда, жар, конфетка, озноб, восторг, тайна —

Насколько я вижу и насколько меня это касается, так называемая Лесная Служба не более чем фасад, с одной стороны смутная Тоталитарная правительственная попытка ограничить использование леса людьми, говоря им что нельзя разбивать лагерь тут или ссать там, что незаконно делать вот это а разрешается делать вон то, в Незапамятной Глухомани Дао^[35] и в Золотом Веке и в Тысячелетиях Человека – во-вторых это фасад для интересов лесодобычи, а чистые результаты всего таковы, что «Косметическая Бумага Скотта» и подобные ей компании валят эти леса за годом год при «содействии» Лесной Службы которая так гордо хвастается количеством погонных футов доски на весь Лес (как будто я владею хоть дюймо́м этой доски хоть не могу здесь ни поссать ни палатку поставить) результат, чистый, таков что люди по всему миру подтирают себе зад прекрасными деревьями – Что же касается молнии и пожаров, кто, какая американская личность теряет, если стора́ет лес, и что по этому поводу делала сама Природа миллион лет до сегодняшнего дня? – И в таком вот настроении я лежу на своей койке лунной ночью на животе и созерцаю бездонный ужас мира, с этого наихудшего из всех мест в мире, набор улиц Ричмонд-Хилла за Ямайка-авеню сразу на северо-запад от Ричмонд-Хиллского Центра я полагаю куда как-то жарким летним вечером когда Ма (1953) навещала Нин на юге я шел как вдруг поскольку был совершенно подавлен чуть ли не до степени подавленности той прогулки что у меня была ночью перед тем как умер отец, и будучи на тех улицах однажды зимней ночью я позвонил Мэдлин Уотсон чтоб назначить ей свиданье и узнать не выйдет ли она за меня замуж, какой-то приступ безумия таким я подвержен, я точно «безумец бродяга и ангел» – осознавая что на земле нет места где этот бездонный ужас можно рассеять (Мадлен удивилась, испугалась, сказала что у нее есть постоянный парень, должно быть до сих пор недоумевает все эти годы спустя зачем я позвонил или что это со мной такое было) (или может быть тайно меня любит) (мне только что было видение ее лица в постели рядом со мной, трагические прекрасные темные итальянские черты ее лица столь изборождаемого слезами, столь целовабельного, крепкого, милого, как я и думаю) – думая если бы даже я жил в Нью-Йорке, бездонный ужас бледнолицых рябых телевизионных актеров на фуршетах в узких серебристых галстучках и полнейшая гнетущность всех продуваемых ветром квартир Риверсайд-драйва и Восьмидесятых улиц где они всегда живут или холодной январской зари на Пятой авеню с помойными баками аккуратно выровненными перед мусоросжигателями во дворе, холодная безнадежная по сути злобно настроенная роза в небесах над когтистыми деревьями Центрального Парка, нет места отдохнуть или согреться потому что не миллионер а если б даже и был им то всем было бы плевать – Бездонный ужас луны освещающей Озеро Росс, елей которые не могут тебе помочь – Бездонный ужас Мехико в соснах больничной территории и индейских детишек за рыночными прилавками вкалывающих в субботу вечером до ужасного поздна – Бездонный ужас Лоуэлла с цыганами в пустых лавчонках на Миддлсекс-стрит и безнадега простершаяся над ними до центральной железнодорожной линии «Б-и-М» разрезанная Принстон-бульваром где деревья которым наплевать на тебя растут у реки безучастности – Бездонный ужас Фриско, улиц Северного Пляжа туманным утром в понедельник и равнодушных итальянцев покупающих сигары на углу или просто gazeющих по сторонам или пожилых негров-параноиков которые думают что ты их оскорбляешь или даже свихнувшихся интеллектуалов принимающих тебя за агента ФБР и сторонящихся тебя на страшнейшем ветру – белые дома с большими пустыми окнами, телефоны лицмеров – Бездонный ужас Северной Каролины, кирпичных переулочков после кино зимней ночью, крохотных городков Юга в январе – фу, в июне – Джун Эванз умершая в иронии прожив на виду у всех, вот именно, ее неведомая могилка щерится мне в лунном свете говоря что все правильно, правильно проклято, правильно избавлено – Бездонный ужас Китайского квартала

на рассвете когда с лязгом захлопываются крышки мусорных баков а ты проходишь пьяный и тебе отвратительно и стыдно – Бездонный ужас повсюду, я почти могу вообразить себе Париж, Пужадисты^[36] ссут с набережной – Печальное понимание вот что означает сострадание – Я отрекаюсь от попытки быть счастливым. Все равно это дискриминация, оцениваешь сё и обесцениваешь то и поднимаешься и опускаешься но будь ты как пустота лишь неподвижно смотрел бы в пространство и в том пространстве хоть и видел бы высокомерных людей в их любимых разнообразных выставочных мехах и доспехах фыркающих и надувшихся на лавках того же самого парома везущего всех нас на другой берег но все равно смотрел бы в пространство ибо форма есть пустота, а пустота есть форма – О золотая вечность, эти жеманные самодовольные олухи в твоём проявлении вещей, возьми их и поработи своею истиной которая навечно истинна навсегда – прости мне мои человеческие промашки – я мыслю следовательно умираю – я мыслю следовательно рождаюсь – позволь мне быть неподвижным как пустота – Как счастливый ребенок заблудившийся в неожиданной грезе и когда дружок обращается к нему он не слышит, дружок пихает его он не шевелится; в конце концов видя чистоту и истинность его транса дружок лишь наблюдает в изумлении – никогда не сможешь снова стать таким чистым, и выпрыгиваешь из таких трансов со счастливым блеском любви, побывав во сне ангелом.

33

Легкий базар по радио между наблюдателями однажды утром вызывает смех и воспоминание – чистый ранний солнечный свет, 7 утра, и слышишь такое: «30 десять-восемь на сегодня. 30 слышимость хорошая». В смысле станция номер 30 вышла на сегодня в эфир. Затем: «32 тоже десять-восемь на сегодня», сразу же вслед за нею. Затем: «34, десять-восемь». Затем: «33, десять-семь на десять минут». (Не будет в эфире десять минут.) «Добрый день, мужики».

А сказано таким ярким ранним утренним искаженным помехами голосом студентиков из колледжа, я вижу как они выходят из общаг по утрам в сентябре в своих свежих кашемировых свитерах и со свежими книжками идут по росистым газонам и перебрасываются шутками просто так, их жемчужные зубы и нетронутые одежды и гладкие волосы, вы б решили что молодежь именно такие вот жаворонки и не бывает нигде на свете никаких неопрятных бородатых парней ворчащих в бревенчатых хижинах и таскающих воду с пердливными комментариями – нет, одни лишь свежие милые молодые люди чьи отцы зубные врачи и преуспевающие профессора отошедшие от дел они широко шагают легко и радостно по девственным лужайкам к интересным темным полкам университетских библиотек – о черт кому какое дело, когда я сам был таким студентиком то спал до 3 пополудни и установил новый рекорд Коламбии по пропуску занятий за один семестр и мне до сих пор не дают покоя сны об этом где я в конце концов забываю что это были за занятия и кто преподаватели а сам шатаюсь отрешенно будто турист какой среди руин Колизея или Пирамиды Луны среди громадных 100-футовых разбомбленных заброшенных зданий с привидениями слишком изысканных и слишком призрачных в таких занятий не проведешь – Ну что ж, альпийским елочкам в 7 утра нет дела до подобных вещей, они лишь выделяют росу.

34

Октябрь для меня всегда замечателен (стучу по дереву), вот почему я всегда о нем так много болтаю – Октябрь 1954 года был диким спокойным, я помню старую кукурузную кочержку которую начал курить в тот месяц (живя в Ричмонд-Хилле с Ма) засиживаясь ночами допоздна пока сочинял одну из своих тщательных прозаических (намеренно прозаических) попыток очертить Лоуэлл во всей его целостности, заваривал себе кофе с молоком полуночами

с горячим молоком и «Нескафе», наконец совершил поездку автобусом в Лоуэлл, со своей пахучей трубкой, прогуливался по призрачным улицам рождения и детства раздувая ее, жуя красные крепкие «макинтоши», одетый в японскую рубашку из шотландки с белыми и темно-коричневыми и темно-оранжевыми узорами, под голубым пиджаком, в белых башмаках (черная каучуковая подошва) отчего все по-сибирски унылые обитатели Сентервилля тарасились на меня а я соображал: в Нью-Йорке это обычный наряд а в Лоуэлле выглядит ослепительно и даже женственно, хотя мои штаны были просто унылыми старыми коричневыми вельветками – Да, коричневые вельветовые штаны и румяные яблоки, и моя кукурузная трубка и большой кисет с табаком засунут в карман, тогда еще я не затягивался а просто пыхал, гулял и пинал листву засыпавшую доверху канавы как прежде как делал бы в четыре года, октябрь в Лоуэлле, и изумительные ночи в гостинице в Сволочном Ряду (гостиница «Депо-Чэмберз» возле старого депо) с моим завершенным буддистским или скорее вновыпробужденным пониманием этого сна этого мира – славный октябрь, закончившийся поездкой обратно в Нью-Йорк сквозь листовенные городишки с белыми колокольнями и старой сухой бурой новоанглийской землей и молодыми сочными студенточками из колледжей перед автобусом, приехав на Манхэттен в 10 вечера на сверкающий Бродвей покупаю пинту дешевого вина (портвейн) и иду пешком и пью и пою (присасываясь к горлышку на стройках 52-й улицы и в парадных) пока на Третьей авеню мне не попадается на тротуаре сама Эстелла старая моя страсть с целой компанией народу среди коего ее новый муж Гарви Маркер (автор «Голых и обреченных») поэтому я просто даже не смотрю а ниже по улице сворачиваю как только сворачивают они, любопытные взглядики, а я подрубаюсь по дикости нью-йоркских улиц, думая: «Мрачный старый Лоуэлл, хорошо что мы из него уехали, взгляни как народ в Нью-Йорке будто бы непрерывно карнавалит и праздничает и у них Субботняя Ночь веселья – что еще делать в этой безнадежной пустоте?» И я шагаю в Гринич-Виллидж и вхожу в бар (хеповый кошак) «Монмартр» уже клевый и заказываю пива в тусклом свете набравшихся негров-интеллектуалов и хипстеров и торчков и музыкантов (Аллен Игер) а рядом со мною негритянский пацан в берете который говорит мне:

– Что ты делаешь?

– Я величайший в Америке писатель.

– Я величайший в Америке джазовый пианист, – говорит он, и мы жмем друг другу руки, выпиваем за это, и на пианино он выколачивает мне странные новые аккорды, сумасшедшие атональные новые аккорды, к старым джазовым мелодиям – Малыш Ал официант объявляет его великим – Снаружи октябрьская ночь на Манхэттене и на оптовых рынках набережной стоят бочки и в них грузчики оставили гореть костры возле которых я останавливаюсь и грею руки и прикладываюсь раз два раза к бутылочке и слышу *бвум* пароходов в проливе и задираю голову и там те же самые звезды что и над Лоуэллом, октябрь, нежный и любящий и печальный, и весь он рано или поздно увяжется в совершенный букет любви я думаю и я поднесу его Татхагате Господу моему, Богу, со словами «Господи Ты возликовал – и славен будь за то что показал мне как Ты это сделал – Господи теперь я готов к большему – и на сей раз я не стану хныкать – На сей раз я сохраняю ясность разума и пойму что он суть Твои Пустые Формы».

...Этот мир, осязаемая мысль о Боге...

35

До самой этой молниеносной бури, которая была сухой, разряды били в сухой лес, только потом пошел дождь, немного пригасивший пожары, те стали вспыхивать по всей этой дикой местности – Один на реке Бейкер посылает большую тучу мутного дыма вниз по Малому Бобровому Ручью прямо подо мной отчего я ошибочно предполагаю будто горит там но они вычисляются в каком направлении идут долины и куда относит дым – Потом, во время бури с молнией за Пиком Скаджит к востоку от себя я видел красное зарево, затем пропало четыре дня

спустя с самолета засекли выгоревший акр но то в основном сухостой от которого эта дымка в Ручье Три Дурня – Зато потом настает большой пожар на Громовом Ручье который мне видно в 22 милях к югу как он вздымает дым из-за Рубинового Хребта – Сильный юго-западный ветер раздувает его от двухакрового пожара в 3 до неистового восемнадцатиакрового в 5, радио обезумело, мой деликатный районный управляющий Джин О’Хара все время вздыхает по радио при поступлении каждой новой сводки – В Беллингэме снаряжают восемь парашютистов чтобы подлетели и высадились на крутой хребет – Наши собственные скаджитовские команды перемещаются с Большого Бобра на озеро, лодкой, и долгой горной тропой к большому дыму – Стоит солнечный день с сильным ветром и самой низкой влажностью за весь год – Этот пожар как впечатлительный Пэт Гартон на Кратере поначалу ошибочно посчитал будто бы находится ближе к нему чем на самом деле, около перевала Ухающей Совы, но иезуит Нед Гауди на Закваске презрительно усмехаясь подтверждает вместе с самолетом точное местоположение значит это «его» пожар – эти парни будучи лесниками-карьеристами весьма религиозно ревнивы по части «его» и «моих» пожаров, как будто – «Джин ты там?» спрашивает Говард на Наблюдательной Горе, передавая информацию от десятника скаджитской команды который стоит у самой кромки пожара со своей рацией а его люди просто смотрят на глубокую неприступную осыпь где огонь бушует – «почти перпендикулярный – Э-э 4, он говорит что надо бы спуститься с вершины, там возможно понадобятся веревки а он не смог собрать то что вам нужно...» – «Ладно, – вздыхает О’Хара, – скажи ему чтобы ждал – 33 ответьте 4» – «33» – «Маккарти уже вылетел из аэропорта?» (Маккарти и Инспектор Лесничества большая шишка совершают облет пожара), 33 должен вызвать аэропорт и узнать – «Единица ответьте 33 – повторяет четыре раза – Снова четверка, я кажется не могу пробиться в аэропорт» – «О’кей, спасибо» – Но выясняется что Маккарти в своем беллингэмском кабинете или дома, очевидно ему это пока до лампочки поскольку пожар не его – Вздыхающий О’Хара, милейший человек, ни единого грубого слова (в отличие от начальственного хладноглазого Герке), думаю если мне доведется обнаружить в этот критический час пожар придется предвирать свое извещение вот таким «Очень не хочется наваливать на тебя лишние хлопоты...» Тем временем природа невинно сгорает, всего-навсего природа сжигающая природу – Сам я сижу и ем обед из «Крафтовой лапши с сыром» и пью крепкий черный кофе и наблюдаю за дымом в 22 милях отсюда и слушаю радио – Осталось только три недели и снимаюсь в Мексику – В шесть часов солнце жарит по-прежнему но сильный ветер и ко мне подкрадывается самолет, вызывает меня: «Мы сейчас скинем тебе батареи», я выхожу и машу им, они машут в ответ как Линдберг в своем моноплане и разворачиваются и пролетают над моим хребтом сбрасывая дивный узелок с небес который выхлестывает джутовый парашют и плывет плывет далеко мимо цели (сильный ветер) и пока я слежу за ним взглядом затаив дыхание вижу как он собирается перевалить за самую хребтину и вниз в 1000-футовую Горловину Молнии но великодушная елочка цепляет стропы и тяжелый узелок повисает на стене утеса – Я надеваю пустой рюкзак помыв посуду и спускаюсь, нахожу посылочку, очень тяжелую, кладу ее в рюкзак, обрезаю стропы и ленты и потя и скользя по гальке, и со скатанным парашютом под мышкой скорбно карабкаюсь обратно на хребтину к моей милой хижинке – через две минуты пот мой высыхает и все сделано – Я гляжу на дальние пожары в дальних горах и вижу воображаемые цветочки зрения о которых говорится в Шурангама-сутре^[37] из которой я знаю что все это эфемерный сон ощущения – Что земной пользы знать это? Что земной пользы в чем бы то ни было?

36

И вот это именно то что означает Майя^[38], она означает что нас одурачили и мы поверили в реальность чувства от внешности вещей – Майя на санскрите, она означает уловка – Почему же нас продолжают дурачить даже когда мы знаем об этом? – Из-за энергии нашей

КТО

ЧТО

ПОЧЕМУ

КОГДА

ЭТИБТО

КРЫСА

*Звук
Звук
Звук*

После этого никогда не было
Вот все что есть в том чего нет —
Бум
Наверху в долине
И внизу под горой,
Птица —

Проснись! Проснись! Проснись! Про
Про Про Про ПРОБУДИСЬ
ПРОБУДИСЬПРОБУДИСЬ
ПРОБУДИСЬ
НУЖЕ

Такова мудрость
тысячелетней крысы
— Зверообразной, высочайше совершенной
Крысы

Черный черный черный черный черть черть черть
черть черный черный черный черный
черть черть черть черть
черный черный черный черный
черть черть черть

38

Меч и т. д., плоскость весла или бедствие, внезапный неисторвущийся молодой человек, медлительный порыв ветра; насильственный поток листвы, воздуха, рев трубы или рога, виноватый заслуживает Взрыва как от пороха, вина, придерись к Чуме; порицание, Вменение в Вину крикливому Скандальному шумному, Зло словь, негодуй, Пылай наказуемый заслуженным пламенем, испускай пылающий свет, меньше, без вины невиновный, факел, подстрекатель, поток безупречно безупречного пламени света, вырывающийся, действенность, достойный вины, пресыщенный, Отмечай деревья по манной кашке, отчленяя часть коры, отмечай отбеленное, бели, выравнивай путь или тропу таким вот манером, вари, обваривай и очищай, словно миндаль, отметка сделанная отделением коры от белостволья, дерево, белое пятно на лице белого, лошадь или корова, бледная, бланманже, прославляй, публикуй или Желеобраз-

ная подготовка морского мха, провозглашай распространенно, оповещай, крахмаль их картофелем, кукурузным крахмалом или им подобным, разглашай, приукрашивай, украшай, выедай искусство из точных описаний вежливых, мягких, успокаивающих вкрадчивых гербов, искусство выражения приязни, искусное отбеливание, ласкай бледным или белым, удовольствие любезности, бледней, лести тускло, незащищенное опусто-пусто, бело или бледно поздно, безрадостная холодная резка, не написано или напечатано на или страстно остро, тускло унылость отмечена, пустота пуста незанята бледна, перепутанная неквалифицированная завершенная смуть, сделай глаза нерифмованными, чтоб бумага не болела и слезилась, окутай обликами, пригаси написанное на, форма не заполненная наблюдай, воспаленный и слезящийся лотерейный билет, который ничего не выигрывает тусклого или смазанного, с воспалением пустое пространство, ментальная модификация незанятости голубого, белое бляенье плачь как овцы, одеяльный шерстяной валторновый плач баранов, бляющих по постелям, прикрывающих лошадей, кровоточат, истекая кровью истекли истекли широкая обертка или крышка или пускать кровь сараю

Любого вида одеяло потускневшее от крови
Рев звучит громко как порча пятен дегтя
Взвой трубы вблизи той что пятнает
Лесть гладко вкрадчиво-дефектна почва
Речь вереска улещивает угодливость пятнает промах
говори де
Из Замка Бларни в Ирландии^[41]
Взрывай и воздавай хвалу иль прославляй
Часть уздечки помещенная
в фиденцию
Болтовня сплетника

Тщетная похвальба —
Короб, удар по голове иль э-э хвастливый
Состоящий из персон чтоб была знать
И густая подливка
И медленно пекущиеся коммерческие сделки
с персоной опосля,
Мясо так приготовленное

Видишь?

39

Луна — она выглядывает из-за холма будто подсматривает за миром, большими печальными глазами, затем бросает один добротный большой взгляд и показывает свой не-нос а потом океанские щеки и потом запятнанную челюсть, и О что это за круглый старый лунный скорбный лик, ОО, и махонькая кривенькая жалкая понимающая улыбочка для меня, ты — у нее угрюмый загиб будто женщина весь день убиралась и не умылась — она издевается — и говорит «Стоит мне выходить?» — Она грит «УУ ла-ла», и у нее морщинки у глаз, и она заглядывает за хребты скал, желтая как слепой лимон, и О сказала она — Дала Старику Солнцу уйти первым поскольку тот волочится за нею в этом месяце, вот выходит луна играть в кошки-мышки, поздно — У нее нарумяненный вялый рот как у маленьких девочек которые не умеют мазаться помадой — У нее

пишка на лбу от огненного камня – Она трещит по швам от лунной хорошеи и лунного жира и лунного золотистого огня и над нею Золотые Вечные ангелы посыпают ее воображаемыми цветами – Она Властитель и Верховный Лесбийский Король всего синего и фиолетового обзора своего чернильного королевства – Хоть солнце и оставило свое разрушительное зарево она смотрит на него довольно и убеждена что в ту минуту когда его огонь завалится как всегда она осеребрит всю ночь целиком, мало того взойдет выше, ее триумф будет в нашем катящемся на восток коленопреклонении земли – По ее большому рябому лицу я вижу (и планетарные ободья) эпиталамные розы – Попурриные моря отмечают ее гладкокожее плавание, черты ее характера суть сухая пыль и волосатая скала – Большие москиты из соломы что улыбаются на луне начинают бззз – На ней легкая огнескрывающая лавандовая вуаль, до крайности миленькая шляпка с тех пор как роза была соткана а гирлянда сплетена, и шляпка ослепляет своим блеском набекрень и сейчас упадет как пресветлый огненный волос и вскоре станет смутной вуалью на чело круглой жесткой скорби – блин ух что за черепокатную склоненностную печаль эта луна может удержать в своих пухлых суставах – ей подается лапка насекомого – Неистов черен фиолетов запад покуда расстилается ее вуаль, скрывает лицо, рассеивается пряжками дымки, стирает, ммм – Довольно скоро уже она мутнеет под своей вуалью из клякс – теперь тайна отмечает где вы многожды видели выразительную грусть – Теперь лишь ровная ухмылка луны передает ее круглые приветы нам луннолюдям безумным – Хорошо, принимаю – Это просто старый мячик всплывает в поле зрения потому что мы катимся вверх громоздкими тормашками по кругу планетарных раскладов, и он сейчас настанет, к чему все эти позы и слова? – Наконец она сбрасывает вуаль ради пажитей пояснее, направляется к верхним этажам, ее вуаль опадает полосками шелка мягкими как глазенки младенца и еще мягче того что он видит во снах о ягнятах и феях – От облачных пятнышек у нее ямочки на подбородке – У нее изогнутые круглые усики подкрученные и раздраженно подрагивающие и поэтому луна похожа на Чарли Чаплина – Ни дыхания ветерка не посетило ее восхода, а запад неподвижный уголь – юг розовато-фиолетов там великолепия и герои – Север: белые полосы и лавандовые шелка льда и арктические непоколебимые пустоты —

Луна это кусочек меня

40

Однажды утром я нахожу медвежьи испражнения и следы там где невидимое чудовище брало замерзшие затвердевшие банки молока и сжимало их своими апокалиптическими лапами и прокусывало одним безумным острым зубом, пытаюсь высосать прокишшую пасту – Ни разу не увиденный, и в туманном сумраке я сижу и смотрю вниз с таинственного Хребта Голода с его потерявшимися в тумане елями и горбато уходящими в невидимость горами, и туманный ветер дует себе мимо будто слабенькая метелица, и где-то в Дзенском Таинственном Тумане бродит Медведь, Исконный Медведь – все это, его дом, его подворье, его царство. Царь Медведь который мог бы расплющить мою голову в лапах и сломать мне хребет как палку – Царь Медведь с его таинственной черной кучей навоза у моей мусорной ямы – Пусть Чарли валяется в каюте почитывая журнал, а я пою в тумане, Медведь может прийти и забрать нас всех – Как громадна должна быть эта сила – Он осторожная молчаливая тварь подползающая ко мне с интересом в глазах из туманных неведомостей Горловины Молнии – В сером ветре Осени Знак Медведя – Медведь утащит меня к себе в колыбельку – На своем могуществе он носит печать крови и пробуждения – Пальцы его ног перепончатые и мощные – говорят его можно учуять по ветру за сотню ярдов – Его глаза сверкают в лунном свете – Они с оленями избегают друг друга – Он не явит себя в тайне тихих туманных теней, хоть я

и вглядываюсь весь день, как будто он непостижимый Медведь в которого нельзя проникнуть взглядом – Он владеет всем Северозападом и всем Снегом и повелевает всеми горами – Он рыщет среди неведомых озер, и ранним утром от жемчужного чистого света затеняющего ели горных склонов помаргивает уважительно – У него за спиной тысячелетия такого рысканья – Он видел как приходили и уходили Индейцы и Красные Мундиры^[42], и вновь увидит – Он непрерывно слышит утешающий восхищающий рвущийся шелест тишины, если не выходит к ручьям, он постоянно осознает ту легкую материю, из которой соткан мир, и никогда не рассуждает, ничего не подразумевает, ни дыханием не жалуется, но грызет и лапает, и тяжело ковыляет среди коряг не обращая никакого внимания на неодушевленные вещи или же одушевленные – Его большая пасть чавкает в ночи, я слышу ее из-за гор под светом звезд – Скоро выйдет он из тумана, огромный, и придет и посмотрит мне в окно громадными горящими глазами – Он Авалокитешвара-Медведь.

Я жду его

41

Посреди моего полночного сна вдруг начинается дождливый сезон и дождь тяжело льет на весь лес включая большой пожар на Ручьях Макаллистере и Громовом, пока люди дрожат в лесах я лежу в своем тепленьком как гренок спальнике и вижу сны – Мне и впрямь снятся сны о холодном сером бассейне в котором я плаваю, он предположительно принадлежит Коди и Эвелин, в моей сонной голове льет будь здоров, я гордо выхожу из бассейна и иду шарить в леднике, «два сына» Коди (на самом деле Томми и Брюси Палмеры) играют на кровати, они видят как я ищу масло – «Слушай – теперь слышишь шум» (в смысле шум моей фуражировки) (как шорох крысы) – Я не обращаю внимания, сажусь и принимаюсь за гренок с изюмом и маслом а Эвелин приходит домой и видит меня и я гордо хвастаюсь как я плавал – Мне кажется она завидующе пожирает глазами мой гренок но говорит «Ты что не можешь ничего лучше взять поесть?» – Проездом через то чем является все, будто Татхагата, я вновь возникаю во Фриско шагаю в сторону Скид-Роу-стрит которая как Говард-стрит но не Говард-стрит как Западная 17-я в старом Канзас-Сити и там полно притончиков с хлопающими дверьми, идя по ней я вижу целые полки дешевого вина в лавках и большой бар куда ходят все мужики и бичи, «Дилби», на углу, и одновременно я вижу статью в газете про диких парней из Вашингтонской-Округа-Коламбии колонии (рыжие, неотесанные на вид черноволосые угонщики машин, крутые и молодые) они сидят на лавочке в парке перед зданием Администрации Штата только что из тюрьмы и на фото в новостях мимо проходит брюнеточка в джинсах посасывает бутылочку кока-колы и в статье говорится что она известная шалопайка и соблазнительница которая отправила в колонию десятки парней за то что те пытались ее склеить хотя она выпендривается перед ними (как на фотке) нарочно, видно как мальчишки развалились на лавочке и пялятся на нее, улыбаясь в объектив, во сне я зол на нее за то что она такая сучка но когда просыпаюсь понимаю что все это лишь убогие уловки на которые она пускается чтоб один из этих мальчишек оплодотворил ее чтоб она стала мягонькой и мамолубой с крохотным ребятеночком у груди, Мадонна Внезапно – Я вижу как та же самая банда мальчишек теперь идет в «Дилби», вряд ли сам туда пойду – По всему Бродвею и Чайна-тауну брожу я ища чем бы развлечься но везде этот блеклый Фриско Снов где лишь деревянные домики да деревянные бары и погреба да подземные пещеры а больше и нет ничего, как Фриско в 1849-м судя по внешнему виду, если не считать гнетущих обнеоненных баров типа сиэтлских, и дождя – Я просыпаюсь от этих снов навстречу холодному дождливому северному ветру отмечающему окончание пожарного сезона – При попытке вспомнить подробности сна припоминаю слова

Татхагаты сказанные Махамати^[43]: «Как думаешь, Махамати, будет ли такой человек – (стремящийся припомнить детали сновидения, поскольку это всего лишь сны) – будет ли такой человек считаться мудрым или же глупым?» – О, Господь, я вижу все это —

Туман вскипающий с
хребта – горы
Чисты

Туман перед пиком
– сон
Продолжается

42

Человек основательный таких где угодно найти можно это старина Черныш Блейк с которым я познакомился на той неделе когда учился на курсах пожарных где мы все ходили в латунных касках и учились рыть противопожарные траншеи и тушить пожары пока те не погаснут намертво (проводили руками над холодными угольями) и еще как читать азимуты и вертикальные углы пожароискателей которые вращаются и показывают на все стороны света поэтому так можно засечь местоположение обнаруженного пожара – Черныш Блейк, он объездчик Ледникового Района, мне его отрекомендовал как клевого старпера Джарри Вагнер – Джарри из-за обвинений в коммунистических симпатиях в Рид-колледже (он вероятно заседал на всяких левых митингах и болтал как обычно про свою анархию) не допустили на эту правительственную пожарную службу после того как ФБР разнюхало (смешно, как будто у него связи с Москвой и он все бросит и будет там бегать и зажигать по ночам пожары и бежать потом обратно на пост или глушить радиосвязь со злорадным блеском в глазах вывода передатчик то на максимум то на минимум) – Старина Черныш сказал: «По мне так очень глупо что парнишку отсюдова поперли – он был чертовски хороший пожарник и неплохой наблюдатель и вообще *хороший мальчик* – Нынче кажется никому ничего и вякнуть нельзя сразу ФБР начнет расследовать – Что до меня то я и буду говорить что думаю и говорю что думаю – А *достает* меня, что они могут в черный список засунуть такого парнишку как нашего Джарри» (так Черныш и разговаривал) – Старина Черныш, много лет в лесу, сам старинный батрак лесоповала и был тут еще во времена «Промышленных Рабочих Мира» и Эвереттской Бойни столь известной по Дос Пассосу и анналам левых – Вот что мне нравится в Черныше его искренность, превыше всего прочего его Бетховенская Печаль, у него большие грустные темные глаза, ему шестьдесят, крупный, сильный, большое брюхо, сильные ручищи, держится прямо – все его любят – «Чем бы Джарри ни стал заниматься я думаю ему всегда будет клево – знаешь у него была одна такая китайская девчонка в Сиэтле, О вот он веселился...» Черныш видит в Джарри молодого Черныша, поскольку Джарри тоже вырос на Северо-западе, на хуторе в суровой глуши, в восточном Орегоне, и всю свою юность лазил по этим скалам и разбивал палатки в недоступных горловинах и молился Татхагате на вершинах и забирался на такие чудовищности как Гора Олимп целиком и Бейкер – Я вижу как Джарри примеряется горным козлом к Хозомину – «И эти книжки читал, – говорит Черныш, – про Будду и все такое, до чего ловкий он парень этот Джарри» – На следующий год Черныш уходит на пенсию, не могу себе представить что он станет делать но у меня перед глазами видение как он ушел на большую долгую рыбалку и я вижу вот он сидит у ручья, опустив удочку, неподвижно смотрит в землю под ногами, печальный, огромный как Бетховен, спрашивает себя а что есть Черныш Блейк в конце концов и что есть этот лес, с непокрытой головой в чашах высочайше совершенно зная

что он непременно окажется проездом – В тот день когда наступает сезон дождей я слышу как Черныш по радио разговаривает со своим наблюдателем в Ледниковом Районе: «Теперь мне вот чего от тебя надо составь опись *всего* что у тебя там наверху есть и принесешь список с собой на станцию...» Он говорит: «Будешь принимать для меня информацию, тут лошадь у нас на тропе отбилась и мне надо сходить ее поймать» но я-то понимаю что Чернышу просто хочется побыть на тропе, на природе, подальше от радио, среди лошадей, леса это его *аве*^[44] – И вот он идет Старина Черныш, огромный, искать лошадь в мокрых горных лесах, а в 8000 миль оттуда на холме с храмом в Японии его молодой почитатель и полуученик по знанию и полный ученик по лесам, Джарри, сидит медитируя под соснами чайного домика повторяя, с выбритой головой и сцепленными руками: «Намо Амида Буцу»^[45] – Япония в тумане такая же как и северозападный Вашингтон в тумане, ощущающее существо то же самое, а Будда так же стар и истинен как и везде куда б ты ни пошел – Солнце тускло садится на Бомбей и Гонконг точно так же как тускло оно садится на Челмзфорд, Массачусетс. – Я звал Ханьшаня в тумане – не было мне ответа —

Звучанье тишины
вот все наставленья
Что получишь

– В беседе что была у меня с Чернышом от его искренней серьезности у меня мурашки по груди побежали – вечно так, и мужики есть мужики – Разве Черныш меньше мужик оттого что никогда не был женат и у него нет детей и он не подчинился повелению природы множить трупы самого себя? С его угрюмым темным лицом и набыченностью у печки и опущенными благочестивыми глазами, какой-нибудь дождливой ночью на следующую зиму, возникнут алмазные и лotosовые руки чтобы овить розой его чело (или провалиться мне) (оттого что не догадался) —

Опустошенье, Опустошенье
где же ты
Заслужило свое имя?

43

В воскресенье просто потому что это воскресенье, я помню, то есть в камере памяти у меня в мозгу происходит судорога (О полая луна!) воскресенья у Тетушки Джинни в Линне, наверное когда еще был жив Дядя Кристоф, как раз когда я потягиваю восхитительно вкусный и очень горячий черный кофе после плотной еды – спагетти со сверхгустым соусом (три банки томатной пасты, 12 зубков чеснока, полчайной ложки душицы и весь базилик в пасте, и еще лук) и десерта из трех восхитительных кусочков арахисового масла смешанного с изюмом и черносливом (десерт достойный лорда!) наверное думаю про Тетю Джинни из-за послеобеденного довольства когда они сняв пиджаки бывало курили и попивали кофе и разговаривали – Просто потому что воскресенье я еще вспоминаю व्यюжные воскресенья когда Па и я и Билли Арто играли в «Футбольный Матч Джима Хэмилтона» который выпускала «Игровая Компания Паркера»^[46], и опять-таки белая рубашка Па и дым его сигары и человеческое счастливое довольство в какой-то миг – включая наконец поскольку я меряю шагами дворик (туманный ветренохолодный) чтобы нагулять аппетит пока варятся мои спагетты, напоминая нервным тиком мозговой судороги как я ходил бывало в долгие व्यюжные походы по воскресеньям перед обедом, разум забит под завязку шкатулками что переполняются воспоминаниями,

какая-то тайна дергается тиком, судорогой, вот она вырывается наружу и так сладко чисто быть человеком я думаю – Стебель моего цветка в том что сердце мое болит от человеческого – Воскресенье – воскресенья у Пруста, да воскресенья в писаниях Нила Кэссади (упрятанных), воскресенья в наших сердцах, воскресенья давно покойных Мексиканских Грандов которые помнили Плазу Орисабы^[47] и церковные колокола переполняющие воздух как цветы

44

Чему научился я на Гваддавакамблэке? Я узнал что ненавижу себя поскольку сам по себе я всего лишь я сам и даже еще не он и как монотонно быть монокаменным – укладенным – утомленным – при мерным – при хи-хи – Я научился разоценивать вещи сами по себе и ханьшань без умный дал мне тряпку я не хочу ее – Я научился понял выучил никакого учения ничего – А И К – Обезумевая однажды днем думая вот так вот, осталась всего неделя а я не знаю что делать с собой, целых пять дней один за другим беспросветного дождя и холода, я хочу спуститься ТУТ ЖЕ потому что запах лука у меня на руках когда я подношу к губам голубику на горном склоне неожиданно напоминает мне запах гамбургеров и сырого лука и кофе и воды из бака с грязной посудой в обеденных павильончиках Мира куда я хочу возвратиться немедленно, сидя на табурете с гамбургером, зажигая окуроч под кофе, пусть там будет дождь на стенах из красного кирпича а мне есть куда пойти и есть стихи которые надо написать о сердцах а не просто о скалах – Приключение Опустошения застигает меня когда я нахожусь на донышке самого себя бездонное ничто хуже того даже не иллюзию – разум мой в лохмотьях —

45

Затем настает последний день Опустошения – «На крыльях быстрых как медитация» мир со щелчком становится на место когда я просыпаюсь (или «быстрых как мысли о любви») – Старая корка от бекона до сих пор валяется во дворе где бурундучки клевали и щипали ее всю неделю показывая свои миленькие беленькие пузики а иногда вставая застыв в трансе – Прилетели чудные вякающие птицы и голуби и ободрали начисто всю голубику у меня с травы – твари воздушные питаются от плодов травяных, как предсказано – мою голубику, это их голубика – каждая ягодка что я себе взял была бы с арбуз у них в кладовой – я лишил их двенадцати товарных составов – последний день на Опустошении, будет несложно трескаться и трескаться – Теперь я иду на Омерзение и шлюхи вопят требуя горячей воды – Это все уходит еще к Джарри Вагнеру, то что я здесь, он показывал мне как лазить в горы (Маттерхорн сумасшедшей Осенью 1955 года когда все на Северном Пляже завывали от напряжения религиозного бита и битового возбуждения зловещей кульминацией которого стало самоубийство Розмари, история уже рассказанная в этой Легенде^[48]) – Джарри, как я уже сказал, показал мне как надо покупать рюкзак, пончо, пуховый спальник, походный кухонный набор и уходить в горы с таежным запасом изюма и орехов в мешочке – мой мешок прорезиненный изнутри и поэтому в предпоследнюю ночь на Опустошении когда я беру пожевать из него на десерт он, этот резиновый привкус изюма и орешков, возвращает мне целый потоп причин которые привели меня на Опустошение и в Горы, всю идею целиком которую мы разрабатывали вместе в долгих походах касательно «рюкзачной революции» с «миллионами Бродяг Дхармы» по всей Америке уходящими в горы медитировать и игнорировать общество О Йя Йои Йа дайте мне общество, дайте мне прелестнолицых шлюх с грузномускулистыми плечами полными богатого жирка и толстыми жемчужными щеками их руки засунуты вниз между юбок и голых ног (ах коленки с ямочками и да ямочки на лодыжке) вопящих «*Agua Caliente*»⁸ своей мадам, ляпочки их платьев спадают

⁸ Горячей воды (исп.).

чуть ли не до локтя поэтому одна туго стянутая грудь видна почти что целиком, сила броска природы, и видишь мясистый кусочек ляжки где она встречается с подколенной и видишь тьму которая уходит под – Не то чтобы Джарри отвергал все это, но довольно! довольно скал и деревья и гарцующих птичек! Я хочу уйти туда где есть лампы и телефоны и смятые кушетки с женщинами на них, где есть густые толстые ковры для пальчиков ног, где драма бушует вся бездумная ибо в конце концов То-Что-Проездом-Через-Всё попросит ли того или иного? – Что я стану делать со снегом? Я имею в виду с настоящим снегом, который в сентябре становится как лед и я больше не смогу уминать его в своих ведрах – Уж лучше я развяжу на спине завязки рыжеволосым дорогой Боженька и пойду бродить вдоль кирпичных стен вероломной сансары чем этот безрассудный шероховатый хребет полный жуков жалящих в гармонии и таинственных земных рокотов – Ах до чего милы полуденные дремы когда я бухался в траву, в Молчании, вслушиваясь в радарную тайну – и до чего милы последние закаты когда наконец я знал что они последние, опадающие словно совершенные красные моря за зазубренные скалы – Нет, Мехико в субботу вечером, ага у меня в комнате с шоколадными конфетами в коробке и Босуэлловым Джонсоном^[49] и ночником, или Париж Осенним днем наблюдая за детишками и их няньками в продуваемом ветром парке с чугунной оградой и старинным заиндевшим памятником – ага, могила Бальзака – В Опустошении. Опустошение вызубрено, и под яростью мира где все втайне хорошо опустошения нет —

46

Стайки серых птичек весело спешат на камни двора, чуть-чуть озираются вокруг, затем начинают клевать какую-то мелочь – малыш-бурундучок беззаботно бежит среди них – Птички бросают беглый взгляд на трепещущую желтую бабочку – У меня позыв подбежать к двери и заорать «Йаааа» но это ужасно нарушит биение их крохотных сердечек – Я закрыл все ставни по четырем сторонам света и теперь сижу в затемненном доме с одною лишь дверью, открытой, допускающей яркий теплый солнечный свет и воздух и кажется что темнота пытается выдавить меня сквозь это последнее отверстие в мир – Сегодня мой последний день, я сижу и думаю о нем, интересно каково было заключенным в свои последние дни после 20 лет в тюрьме – Я могу сидеть и ждать прихода соответствующего торжества – Анемометр и шест сняты, все разобрано, мне осталось лишь накрыть мусорную яму да вымыть котелки и до свиданья, радио тщательно завернуть и оставить да антенну под домом да туалет обильно засыпать известью – Как печально мое великое забронзовевшее лицо в стеклах окон с их темным фоном, черты на нем показывают половину пути в жизни, зрелый возраст почти что, и увядание и борьба все сходятся к сладкой победе золотой вечности – Абсолютное молчание, безветренный день, елочки высохли и побурели ну и летнее рождество окончилось и уже совсем скоро седые бураны завьюжат всю эту местность – Ни одни часы не тикают, ни один человек не томится, и молчаливы будут снег и скалы под ним и как всегда высится будет Хозомин и скорбеть без печали навечно – Прощай, Опустошение, ты было добро ко мне – Пусть ангелы нерожденных и ангелы умерших трепещут над тобой облаком и орошают тебя приношениями из вечных цветов – То что проездом через всё прошло через меня и навсегда через мой карандаш и нечего больше сказать – Елочки скоро станут елями – Я швыряю последнюю банку в крутую лошину и слышу как она блямкает вниз все 1500 футов и вновь напоминает мне (из-за здоровенной свалки банок там внизу от 15 лет Наблюдателей) здоровенную свалку Лоуэлла по субботам когда мы играли среди ржавых буферов и вонючих куч и считали что это здорово, все это вместе включая старые машины надежды с костлявыми изработанными сцеплениями сваленные прямо под новую лошеную супермагистраль которая бежит от пустыря вокруг бульвара до Лоренса – последний одинокий грохот моих жестянок Опустошения в долине пустоты, которому я внемлю, нагой, с удовлетворением – Давным-давно в самом начале мира вихрем

было предупреждение что мы все сметены будем аки стружка и восплачем – Люди с усталыми глазами сейчас осознают это, и ждут распада и тлена – и может быть у них еще есть сила любви в сердцах но все равно, я просто больше не знаю что означает это слово – Мне хочется лишь трубочки мороженого.

47

За 63 дня я оставил столб испражнений высотой и размерами примерно с младенца – вот где женщины превосходят мужчин – Хозомин даже бровью не ведет – Венера восходит как кровь на востоке и это последняя ночь и тепло хоть зябкая Осенняя ночь с тайнами синей скалы и синего пространства – Через 24 часа после упомянутого времени я рассчитываю сидеть по-турецки у Реки Скаджит на своем засыпанном опилками остатке пня с бутылкой портвейна – Привет вам звезды – Теперь я знаю в чем была тайна горного потока —

О'кей, довольно —

То что проездом через всё проездом и через кусочки изоляционного пластика который я вижу выброшен нет больше чем просто выброшен во двор а ведь он некогда был большой важной изоляцией для людей теперь же лишь то что есть, то что проездом через всё столь торжествующе что я поднимаю его и ору и в сердце своем Хо-Хо и швыряю его на запад в собирающейся тиши сумерек и он слегка парит небольшой черной штуkenцией затем стукнется оземь и вот и все – Этот блестящий кусочек коричневого пластика, когда я сказал что он блестящий кусочек коричневого пластика разве я утверждал что он истинно «блестящий кусочек коричневого пластика»? —

Так же и с этим и со мною и с вами —

Собрав все безмерности вокруг себя покровом я соскальзываю «Тарквиниевой хищной походкой»^[50] в сумрак предвиденного земного шара, виденье свободы вечности словно лампочка внезапно вспыхнувшая у меня в мозгу – просветление – новое пробуждение – похождения сырой гибкости сделанной из материала света треполесят и пустозвонят впереди, я зрю сквозь них все, ээ, арг, ойг, элло —

Подожди меня Чарли я спущусь с дождевым человечком – Вам всем видно что это никогда – Бейте в черный новый фраон – Да фа ла бара, ух мерья – слышите? – А-а поебать, чувак, я устал пытаться и вычислять что же сказать: в любом случае ЭТО НЕВАЖНО – *Eh maudit Christ de batême que s'am'fend!*⁹ – Как вообще хоть что-нибудь может кончиться?

⁹ Зд.: В Господа Бога душу мать! (фр.)

Часть вторая Опустошение в миру

48

Но теперь сама история, сама исповедь...

Все чему я учился на уединенной горе все лето. Видение на Пике Опустошения я попытался принести с собой вниз миру и моим друзьям в Сан-Франциско, но они, вовлеченные в стриктуры времени и жизни, а не в вечность и уединение горных снежных скал, сами преподали мне урок – Помимо этого видение свободы вечности которое было у меня и у всех святых отшельников в глухомани, малопригодно в городах и обществах охваченных междоусобицей как у нас – Что это за мир, где не только дружба перечеркивает вражду, но и вражда перечеркивает дружбу а могила и урна перечеркивают всё – Достанет времени умереть в невежестве, но раз уж мы живем что нам праздновать, что нам говорить? Что делать? Что, мучнисторосая плоть и в Бруклине и везде, и больные желудки, и исполненные подозрений сердца, и жесткие улыбки, и столкновение идей, все человечество пылает ненавистью и *пепелищей* – Первым делом приехав в СФ со своим мешком и посланьями я заметил: все валяют дурака – тратят время – не серьезны – тривиальны в соперничествах – робки перед Господом – даже ангелы грызутся – Я знаю только одно: все на свете ангелы, мы с Чарли Чаплином видели у них крылья, чтобы быть ангелом вовсе не нужно быть серафической девчушкой с мечтательной улыбкой печали, вы можете быть клейменным Компанейским Кабаном ухмыляющимся из пещеры, из канализации, можете быть чудовищным чесоточным Уоллесом Бири^[51] в грязной майке, можете быть индианкой выжившей из ума присевшей на корточки в канаву, вы даже можете быть смышленным сияющим убежденным Американским Служащим с ясными глазами, даже гадким интеллектуалом в столицах Европы, но я вижу большие печальные невидимые крылья у всех за плечами и мне плохо оттого что они невидимы и без толку на земле и всегда были без толку и мы все лишь грыземся до смерти —

Зачем?

На самом деле зачем я дерусь с самим собой? Позвольте мне начать с признания в первом убийстве а потом продолжать историю а вы, с крыльями и прочим, судите сами – Это Инферно – Вот сижу я вверх тормашками на поверхности планеты земля, меня удерживает сила тяготения, корябаю историю и знаю что рассказывать ее нет нужды и все же знаю что нет нужды даже в молчании – но есть саднящая тайна —

Зачем еще нам жить если не обсуждать (по меньшей мере) кошмар и ужас всей этой жизни, Боже как мы стареем и некоторые из нас сходят с ума и все злобно меняется – болит именно эта злобная *перемена*, как только что-то становится четким и завершенным оно тотчас разваливается и сгорает —

Превыше всего прочего мне жаль – но то чего мне жаль ни вам не поможет, ни мне —

В горной хижине я убил мышь которая была – фу – у нее были маленькие глазки глядевшие на меня умоляюще, она уже была злобно ранена тем что я ткнул ее палкой пробив ее защитное укрытие из пачек «липтоновского» супа с зеленым горошком, она вся была в зеленой пыли, билась, я прямо высветил ее фонариком, убрал упаковки, она смотрела на меня «человеческими» боязливыми глазами («Все твари живые дрожат от страха наказания»), с маленькими ангельскими крылышками и всем остальным она просто от меня получила, прямо по голове, резкий треск, от которого она умерла, глазки выкатились покрытые порошком зеленого горошка – Ударяя ее я чуть не всхлипнул вскрикнув «Бедняжка!» как будто бы не я это делал? – Затем вышел наружу и выбросил ее с обрыва, сперва собрав те пакеты супа, что не

были надорваны, я его с кайфом ел потом – Выбросил ее, а потом поставил тазик (в котором хранил портящуюся пищу и подвешивал его к потолку, и тем не менее умненькая мышка как-то умудрялась в него запрыгивать) поставил тазик в снег налив туда ведро воды а когда посмотрел наутро в воде плавала мертвая мышь – Я подошел к обрыву и посмотрел и обнаружил мертвую мышь – Я подумал «Ее дружок совершил самоубийство в тазике смерти, от горя!» – Происходило что-то зловещее. Маленькие смиренные мученики наказывали меня – Потом я понял что это та же самая мышка, она прилипла ко дну тазика (кровь?) когда я выбрасывал ее в темноте, а мертвая мышь в овраге под обрывом просто-напросто предыдущая мышь утонувшая в хитроумной водяной ловушке которую изобрел парень живший в хижине до меня и я ее нерешительно расставил (банка с палочкой, на верхушке приманка, мышка подходит укусить ее и банка переворачивается, сбрасывая мышь, я читал как-то днем когда услышал фатальный маленький всплеск на чердаке над самой моей кроватью и первые предварительные бултыхания пловца, пришлось выйти во двор чтобы не слышать, чуть не плача, когда вернулся – *тишина*) (а на следующий день утопшая мышка вытянулась призраком навстречу миру тщаь тощей шейкой достичь смерти, волоски на хвостике развеваются) – Ах, убил 2 мышек и покусился на убийство третьей, та, когда я наконец настиг ее стояла на крохотных задних лапках за буфетом со страхом глядя вверх и беленькая шейка я сказал «Хватит», и лег спать и пусть себе живет и возится в моей комнате – позже ее все равно убила крыса – Меньше горсти мяса и плоти, и ненавистный бубонный хвост, и я уже приготовил себе будущие пристанища в преисподней убийц и все из-за страха перед крысами – Я думал о нежном Будде который не испугался бы крохотной крыски, или об Иисусе, или даже о Джоне Бэрриморе^[52] у которого жили ручные мышки в комнате в Филадельфии детства – От выражений вроде «Человек ты или мышь?» и «наилучшие замыслы мышей и людей»^[53] и «мышь б не убил» мне становится больно и еще от «мышь боится» – Я просил прощенья, пытался каяться и молиться, но чувствовал что из-за того что отрекся от своего положения святого ангела с небес который никогда не убивал, мир теперь может провалиться в тартарары – Я-то думаю, он уже – Пацаном я бросался на банды убийц белочек, с риском что меня самого побьют – Теперь это – И я понимаю что все мы до единого убийцы, в предыдущих жизнях убивали и вынуждены вернуться отрабатывать свое наказание, наказанием-под-низом которое и есть жизнь, что в этой своей жизни мы должны *перестать убивать* или же нас заставят вернуться снова из-за присущей нам Божественной природы и божественной волшебной силы чтобы явить все чего мы пожелаем – Я помнил жалость своего отца когда он сам топил мышат однажды утром давным-давно, а моя мать говорила «Бедняжки» – Но теперь я вступил в ряды убийц и значит грош цена моему благочестию и надменности, ибо некоторое время (еще до мышей) я почему-то считал себя божественным и безупречным – Теперь же я просто грязный убийца человек как все остальные и не могу больше искать укрытия на небесах и вот он я, с крыльями ангела сочащимися кровью моих жертв, маленьких или же нет, пытаюсь сказать вам что нужно делать а сам знаю не больше вашего —

Не смейтесь... у мышки есть бьющееся сердечко, та мышка которой я позволил жить за буфетом была по-настоящему «по-человечески» испугана, и ее выслеживал большой зверь с палкой и *она не знала почему избрана умереть* – она бросала взгляды вверх, вокруг, во все стороны, подняв лапки, на задних ножках, тяжело дыша – *затравленная* —

Когда большие олени по-коровьи паслись у меня в лунном дворике я все же смотрел на их бока как сквозь прицел ружья – хоть никогда бы и не убил оленя, который умирает большой смертью – тем не менее олений бок означал пулю, олений бок означал стрелопронзание, в сердцах людей одно убийство – св. Франциск должно быть это знал – И предположим кто-то пришел к св. Франциску в пещеру и пересказал ему кое-что из того что говорят о нем сегодня гадкие интеллектуалы и Коммунисты и Экзистенциалисты по всему миру, предположим: «Франциск, ты всего лишь испуганный глупый зверь и только, прячешься от страждущего мира, оттяги-

ваешься себе на природе и делаешь вид что ты так свят и любишь животных, прячешься от реального мира со своими формальными серафическими херувимскими наклонностями, пока люди плачут а старухи сидят на улице рыдая и Ящерица Времени скорбит вечно на горячей скале, ты, *ты*, считаешь себя таким святым, втихомолку пердишь по пещерам, смердишь так же, как и прочие, а пытаешься показать что ты лучше людей?» Франциск мог бы и грохнуть этого человека – Кто знает? – Я люблю св. Франциска Ассизского как и любого на свете но откуда мне знать что бы он сделал? – может убил бы своего мучителя – Поскольку убиваешь или нет, вот в чем беда-то, никакой разницы нет в сводящей с ума пустоте которой все равно что мы делаем – Мы знаем только что все живо иначе бы его здесь не было – остальное досужие домыслы, умствования насчет реальности ощущения хорошего или плохого, этого или того, никто не знает святой белой истины поскольку она невидима —

Все святые сошли в могилу так же надув губки как и убийца как и ненавистник, праху без разницы, он поглотит все губы неважно что они делали и это потому что ничего не имеет значения и все мы это знаем —

Но что же нам делать?

Довольно скоро возникнет новый род убийцы, который станет убивать безо всякой причины, просто доказать что это неважно, и его достижение будет стоить не больше и не меньше последних квартетов Бетховена и «Реквиема» Бойто – Церкви падут, монгольские орды станут ссать на карту Запада, короли-идиоты будут рыгать давясь костями, всем станет плевать когда сама земля рассыплется в атомную пыль (как это было в самом начале) и пустоте по-прежнему пустоте будет все равно, пустота будет просто продолжаться с этой своей маниакальной улыбочкой которую я вижу везде, смотрю ли на дерево, на скалу, на дом, на улицу, я вижу эту улыбочку – Эту «тайную Богоухмылку» но что же это за Бог который не изобрел справедливости? – Поэтому они зажгут свечи и произнесут речи и ангелы неистовствуют – Ах но «Я не знаю, мне все равно, и не имеет значения» будет последней человеческой молитвой —

Тем временем во всех направлениях, внутрь и наружу, вселенной, наружу к нескончаемым планетам в нескончаемом пространстве (многочисленное песков в океане) и внутрь в неограниченные огромности вашего собственного тела кое суть также нескончаемое пространство и «планеты» (атомы) (весь электромагнитный сумасшедший расклад скупающей вечной силы) тем временем убийство и бесполезная деятельность продолжаются, и продолжались с безначального времени, и будут продолжаться никогда не заканчиваясь, и нам дано знать, нам с нашими оправданными сердцами, лишь то что это лишь то что есть и не больше чем то что есть и у него нет имени и это не что иное как звериная сила —

Ибо те кто верят в личного Бога которому не безразлично хорошее и плохое галлюцинациями заводят себя за тень сомнения, хоть Господь и благословляет их, он все равно отсутствующе благословляет пробелы —

Это просто не что иное как Бесконечность бесконечно разнообразно развлекающая себя киношкой, как пустым пространством так и материей, она не ограничивает себя ни тем ни другим, бесконечность желает всего —

Но я все же думал на горé: «Что ж – (и проходя каждый день мимо могильного холмика под которым похоронил мышку когда шел на свои грязные испражнения) – пускай мы сохраним ум безучастным, пускай мы *будем* как пустота» – но как только мне наскучило и я спустился с горы я не могу ни за что на свете быть ничем другим кроме разъяренного, потерянного, пристрастного, критичного, смятенного, испуганного, глупого, гордого, презрительного, дерьма дерьма дерьма —

Свеча горит
И когда с нею покончено
Воск ложится хладными художественными кучами

– а больше я ничего и не знаю

49

И вот я пускаюсь трусцой вниз по этой горной тропе с полным мешком на спине и думаю по шлёпу и неумолчному топку своих башмаков по камню и земле что мне чтобы идти дальше нужны на этом свете лишь мои ступни – мои ноги – которыми я так горжусь, и тут они начинают сдавать не проходит и 3 минут после того как я бросил последний взгляд на запертую (прощальную странную) хижину и даже слегка преклонил колена перед нею (как преклоняли бы колена перед памятником ангелам мертвых и ангелам нерожденных, хибарой где всё было обещано мне Видениями по ночам с молнией) (а тем временем когда я боялся отжиматься от земли, лицом вниз, на руках, потому что мне казалось что Хозомин примет медвежий или жуткий облик снежного человека и склонится ко мне пока я лежу) (туман) – К темноте привыкаешь, начинаешь понимать что все призраки дружелюбны – (Ханьшань говорит: «У Холодной Горы есть множество тайных чудес, те кто забирается сюда обычно пугаются») – ко всему этому привыкаешь, понимаешь что все мифы истинны но пусты и даже мифоподобия там нет, но есть кое-что и похуже чего стоит бояться на (вверх-тормашечной) поверхности этой земли побольше чем тьмы и слез – Есть люди, ноги подводят, и наконец карманы выворачивают, и наконец бьешься в конвульсиях и умираешь – Мало времени и нет смысла и слишком счастлив и не думаешь об этом когда стоит Осень а ты топаешь вниз с горы к дивным городам кипящим далеко-далеко —

Смешно как теперь когда пришло время (в безвременности) покинуть сию ненавистную ловушку на вершине скалы у меня нет никаких чувств, вместо того чтобы смиренно помолиться своему святилищу выкручивая его из поля зрения за вздымающейся спиной я говорю единственно «Тю – чушь» (зная что гора поймет, эта пустота) но куда ж девалась радость? – радость которую я предрекал, ярких новых снежных скал, и новых странных святых деревьев и милых сокрытых цветочков по сторонам сбегавшей вниз счастливой тропы? Вместо этого я беспокоюсь размышляю и жую, и кончается Хребет Голода, едва хижина скрывается из виду, а я уже приподустал в бедрах и сажусь отдохнуть и покурить – Ну вот, гляжу, и Озеро все так же далеко внизу и почти тот же самый вид открывается, но О, сердце мое все аж извивается чтобы разглядеть что-то – Господь сотворил некую тонкую небесную дымку дабы проникать сквозь нее взглядом словно безымянную пыльцу зрелище розоватого северного облака поздним утром отразившегося в голубом теле озера, вот оно выходит оттененное розовым, но столь эфемерное что о нем почти не стоит и упоминать и поэтому мимолетность этого дымка как бы будоражит разум моего сердца и заставляет подумать «Но ведь Бог создал эту маленькую хорошенькую тайну чтобы я смог ее увидеть» (а видеть ее здесь больше некому) – Тот факт, что это разбивающее мне сердце таинство заставляет понять что это Бога-игра (для меня) и что я смотрю кино реальности как исчезает зрение в бассейне жидкого понимания и мне чуть ли не расплакаться хочется от осознания того что «Я люблю Господа» – тот роман что у нас с Ним был на Горе – Я влюбился в Бога – Что бы ни случилось со мною внизу в конце этой тропы к миру меня устраивает поскольку аз есмь Бог и я делаю все это сам, кто ж еще?

Медитируя,
я Будда —
Кто ж еще?

50

А тем временем сижу в высоких горах, не вылезая из лямок рюкзака опираясь на него а им на горбик поросшего травой пригорка – Цветы везде – Гора Джек на том же месте. Золотой Рог – Хозомина уже не видно он скрылся за пиком Опустошения – А вдали в верховье озера пока ни намека на Фреда и его лодку, которые были бы крошечной клопиной воронкой в круговой водяной пустоте озера – «Пора спускаться» – Не стоит тратить времени – У меня два часа на то чтобы сделать пять миль вниз – У моих башмаков больше нет подметок поэтому я вставил толстые картонные стельки но камни уже добрались до них и картон провалился поэтому я теперь иду босиком по скалам (с 70 фунтами на горбу) в одних носках – Вот потеха-то, коль скоро героический горный певец и Король Опустошения не может даже толком слезть с собственной вершины – Я взваливаю мешок, уф, потя и пускаюсь в путь снова, вниз, вниз по пыльной каменистой тропе, по серпантинным ее изгибам, крутым, некоторые повороты срезаю и съезжаю вниз по склону как на лыжах до следующего уровня – загребая камешки башмаками —

Но что за радость, мир! Я иду! – Однако ноги болят и не желают наслаждаться и радоваться – Бедрa болят и дрожат и не хотят больше сносить меня вниз с вершины но им приходится, шаг за шагом —

Потом вижу как приближается значок лодки в 7 милях отсюда, это Фред едет встречать меня у подножия тропы где два месяца назад мулы карабкались с полной поклажей и соскальзывали по камням вверх к тропе, с буксируемой баржи под дождем – «Я буду на месте с ним тютелька в тютельку» – «встречай лодку» – хохоча – Но тропа становится все хуже, от высоких луговин и свингующих серпантинных она заходит в кустарник который цепляется мне за рюкзак а валуны на самой тропе просто приканчивают истерзанные и стертые ноги – Иногда дорожка по колено уходит в поросль полную невидимых заподлянок – Пот – Я постоянно оттягиваю большими пальцами лямки чтобы подтянуть рюкзак повыше – Гораздо труднее чем я думал – Я уже вижу как парни смеются. «Старина Джек думал что спорхнет вниз по тропе за два часа вместе с рюкзаком! А не смог и полпути сделать! Фред с лодкой прождал целый час, потом пошел его искать, потом ему пришлось дожидаться полночи пока тот не приплелся в лунном свете плача „О Мама зачем ты так со мною обошла?“» – Я вдруг начинаю ценить великий труд пожарников на большом пепелище в Громовом Ручье – Не просто ковылять и потеть с пожарными комплектами но добраться до пылающего пламени и работать там еще пуще и жарче, и никакой надежды нигде среди скал и камней – Я кто ел китайська обеды наблюдая пожар с расстояния 22 миль, ха – И я начал давай-спускаться.

51

Лучше всего спускаться с горы как бы бегом, свободно размахивая руками и не тормозя при падении, ноги сами поддержат тебя – но О у меня не было ног поскольку не было башмаков, я шел «босиком» (как говорится) и отнюдь не топал большими певучими шагами вниз по тропе колотя себе вперед тра-ля-ля я едва мог с ужимками переставлять их такими тонкими были подошвы а камни такими внезапными что некоторые оставляли резкие синяки – Утречко Джона Баньяна^[54], единственное что мне оставалось чтоб отвлечься – Я пытался петь, думать, грезить наяву, делать то что делал у печки опустошения – Но Карма твоя тропа расстелена для тебя – Иначе бы не вышло сбежать в то утро израненных изодранных ног и горящих от боли бедер (и неизбежных жгучих мозолей как иголок) и задышного пота, налета насекомых, чем мог сбежать я и чем могли сбежать вы будучи вечно поблизости дабы пройти сквозь пустоту формы (включая сюда пустоту формы вашей хнычущей личности) – Я должен был это сделать,

не отдыхать, единственная моя забота удержать лодку или даже потерять лодку, О какой сон мог бы у меня быть на этой тропе в ту ночь, полная луна, но полная луна светила и на долину – к тому же там слышалась музыка по-над водой, плыл сигаретный дымок, играло радио – Здесь же, всё, жаждущие ручейки сентября не шире моей ладошки, выдавая воду водой, где я плескался и пил и мутил эту воду чтоб идти дальше – Господи – Как сладка жизнь? Так же сладка

как холодна
вода в лошине
на пыльной усталой тропе —

– на ржавой усталой тропе – усеянной комьями из-под копыт мулов минувшим июнем когда их заставили из-под палки скакать по плохо прорубленной тропке в обход упавшей коряги слишком здоровой такой что не перебраться и Господи Боже мой мне пришлось втаскивать наверх кобылу среди перепуганных мулов а Энди ругался «Я не могу сам все делать дьявол тебя задери, тащи сюда эту клячу!» и словно в старом сне о других жизнях когда я возился с лошадьми я поднялся, влача ее за собой, а Энди схватил поводья и потащил ее за шею, бедняжку, пока Марти тыкал ей в зад палкой, глубоко – провести испуганного мула – и мула тоже тыкал – и дождь со снегом – теперь все отметины того неистовства высохли в сентябрьской пыли а я сижу там и отдуваюсь – Вокруг полно съедобных травок – Можно просто затаиться в этих горах, варить травы, притащить с собой жира, варить травы на крошечных индейских костерках и жить вечно – «Счастлив с камнем под головой пусть небо и земля себе переменяются!» – пел старый Китайский Поэт Ханьшань – Без всяких карт, рюкзаков, пожароискателей, батарей, самолетов, предупреждений по радио, одни комары зудят в гармонии, да струйка ручейка – Но нет, Господь снял это кино у себя в уме и я часть его (часть его известная под именем меня) и не мне понимать этот мир и значит брести посреди него проповедуя Алмазную Непокколебимость которая гласит: «Ты здесь и ты не здесь, и то и другое, по одной и той же причине», – «просто Вечная Сила пожирает все» – Поэтому я встаю собираюсь с силами и бросаюсь вперед с рюкзаком, оттянув лямки, и морщусь от болей в лодыжках и накручиваю дорожку все быстрее и быстрее своей нарастающей иноходью и вскоре уже совсем бегу, согнувшись, как китаянка с вязанкой хвороста на плечах, дзынь дзынь продираясь и пропихивая негнувшиеся колени сквозь камни кустарник повороты, иногда сверзаюсь с тропинки и с ревом снова вылезая на нее, не понять как, ни разу не сбиваюсь с пути, путь был создан для того, чтобы по нему следовать – У подножия холма я встречу тощего мальчугана только начинающего свое восхождение, сам же я толст и с большущей котомкой, собираюсь напиться в городах с мясниками^[55], и настала Весна в Пустоте – Иногда падаю, тазом, поскользываясь, рюкзак мой спинной буфер, рву дальше вниз крепко стучаясь, какими словами описать опляльное с присвистом пумканье вниз по плямкающей тропинке трампапуті – фьють, пот, – Каждый раз ударяя свой ушибленный футболом большой палец я вскрикиваю «Почти!» но он никогда не получает прямо так, чтобы я охромел – Палец, неоднократно битый в Колледже Коламбия в потасовках под прожекторами в гарлемских сумерках, какой-то урел из Сэндаски наступил на него своими шипами и больше того содрал всю кожу у меня с икры – Палец так и не вылечили – и низ и верх у него размозжены и болят, и когда подворачивается камень вся моя лодыжка встает на защиту – и все же вращать лодыжкой это павловский *fait accompli*¹⁰, Айрапетянц не мог мне показать ничего лучше нежели не верить что натрудил эту нужную лодыжку, или даже растянул ее – это танец, танец с камня на камень, от боли к боли, морщась вниз с горы, в этом вся поэзия – И мир что ожидает меня!

¹⁰ Свершившийся факт (*фр.*).

Сиэтлы в тумане, кафешантаны, сигары и вина и газеты в зальчике, туманы, паромы, яичница с беконом и гренком утром – милые города внизу.

Внизу примерно где начинается густолесье, большие Желтые Сосны и красновато-коричневые все деревья, воздух мило бьет мне в лицо, зеленым Северо-западом, голубой сосновой хвоей, свежий, лодка прокашивает борозду в ближайшем озере, она меня обгонит, но ты свингуй себе, Маркус Маджи – Ты и раньше падал и Джойс придумал слово длиной в две строки чтоб описать это – брабаракотавакоманаштопатаратавакоманак! ^[56]

Зажжем три свечи трем душам когда доберемся.

Тропа, последние полмили, еще хуже, чем наверху, камни, большие, маленькие, перекрученные овраги тебе под ноги – Я уже начинаю всхлипывать от жалости к себе, матерясь разумеется – «Это никогда не кончится!» самая моя главная жалоба, совсем как я думал в дверях: «Как вообще может что-то кончиться? Но это лишь тропа Сансары-Мира-Страдания, подверженная времени и пространству, следовательно она обязана кончиться, но Боже мой она никогда не кончится!» и вот я уже больше наконец не бегу и не шлепаю ногами – Впервые я падаю изможденный вовсе не собираясь падать.

А лодка уже почти приплыла.

«Не дойду».

Я сижу долго, угрюмолицый и конченный – Не успею – Но лодка продолжает приближаться, это как цивилизация табельных часов, надо добраться до работы вовремя, как на железной дороге, хоть и не можешь успеть но успеваешь – Она была взорвана в горнилах железной вулканической мощью, мой Посейдон и его герои, Дзенскими Святыми с мечами разумности. Мастером Франкобогом – Я рывком ставлю себя на ноги и пытаюсь дальше – Каждый шаг не дается, не срабатывает, то что мои бедра выдерживают для меня загадка – шлёп —

В конце концов я загружаю свои шаги наперед, как будто ставлю что-то невероятно тяжелое на платформу вытянутыми вперед руками, такое напряжение невозможно поддерживать – если б не босые ноги (теперь избитые в лохмотьях содранной кожи волдырях и крови) я мог бы трюхать себе и пробиваться вниз по склону, как валяющийся пьянчуга почти совсем свалившийся никогда не сваливающийся совсем а если даже и так будет ли болеть как мои ноги сейчас? – не-а – надо толкать себя дальше вперед поднимая и опуская каждую коленку ного-колючками по лезвиям ножниц Блейковского Вероломства с червями и завываньями везде – пыль – я падаю на колени.

Отдохну вот так немного и пойду дальше.

«Э черт *Eh maudit*¹¹» плачу я последние 100 ярдов – вот лодка остановилась и Фред резко свистит, нет ухает, индейское Хооо! на что я отвечаю свистом, заложив пальцы в рот – Он усаживается почитать книжку про ковбоев пока я заканчиваю спускаться – Теперь уж я не хочу чтоб он слышал как я плачу, но он слышит он не может не слышать моих медленных больных шагов – плёп, плёп – постукивают камешки отскакивая от круглого утеса, дикие цветочки меня больше не интересуют —

«Не дойду» вот моя единственная мысль пока я тащусь дальше, и эта мысль точно фосфоресцирующее красное зарево в негативе отпечатывается на киноплёнке моего мозга «Надо дойти» —

Опустошенье, Опустошенье
так трудно

¹¹ Проклятье (фр.).

Сойти с него

53

Но все было в порядке, вода оказалась пронзительной и близкой и плескалась о сухой плавник когда я преодолел последний маленький карниз к лодке – Через него я перевалился и помахал с улыбкой, оставив ноги идти себе, волдырь в левом башмаке который я считал острой галькой впившейся мне в кожу —

Во всем этом возбуждении даже не соображаю что наконец вернулся к миру —

И нет в целом свете человека милее кто бы встретил меня у его подножия.

Фред старинный лесничий и объездчик любимый всеми как стариками так и молодежью – Угрюмо в ночлежных общагах он представляет вам совершенно опечаленную и чуть ли не разочарованную физиономию неподвижно глядящую в пустоту, иногда он даже на вопросы не отвечает, позволяет вам впитывать свой транс – По его глазам понимаете, а они смотрят далеко, что дальше видеть нечего – Великий молчаливый Бодхисаттва а не человек, в этих лесничих есть что-то такое – Старина Черныш Блейк его любит, Энди его любит, сын его Говард его любит – Вместо старой доброй душки Фила, у которого выходной, в лодке Фред, нацепивший невероятно длинный козырек, дурацкий чепчик, кепон с золотыми кнопками который он надевает чтобы прятаться от солнца когда пускается бороздить лодкой озеро – «Вон едет пожарный смотритель» говорят кнопкокепые рыболовы из Беллингэма и Отэя – из Сквохомиша и Сквонэлмиша и Ванкувера и сосновых городков и жилых пригородов Сиэтла – Они болтаются по всему озеру закидывая удочки на тайных радостных рыбок которые раньше были птичками но упали – Они были ангелами и пали, рыболовы, утрата крыльев означала нужду в пище – Но рыбачат они ради удовольствия довольной дохлой рыбки – Я такое видел – Я понимаю разверстый рот рыбки на крючке – «Когда лев рвет тебя когтями, пускай себе рвет... мужество такого рода тебе не поможет» – Рыба покоряется,

рыболовы сидят
И забрасывают удочки

Старый Фред, ему только надо смотреть чтоб никакой рыболовский костер сильно не разгорелся и не спалил весь лес – В большой бинокль он оглядывает весь дальний берег – Неразрешенные туристы – Компании пьяниц на островках, со спальниками и пивными банками – иногда женщины, некоторые красивы – Великолепные плавучие гаремы в лодках с подвесными движками, ноги, все видно, ужасные эти женщины Сансары-Мира-Страдания что покажут вам свои ноги чтобы только крутнуть колесо еще дальше

Что заставляет мир
вращаться?
Меж стеблей

Фред видит меня и заводит мотор подойти ближе к берегу, облегчить легко-заметно-удрученному мне – Первым делом он задает мне вопрос которого я не слышу и говорю «А?» и он заметно удивляется но мы призраки что проводят лето в уединенных глухоманях мы теряем всякое соприкосновение, становимся эфемерными и не здесь – Наблюдатель спускающийся с горы словно мальчик-утопленник снова возникший привидением, я знаю – Однако он всего лишь спросил

– Как там погода наверху, жарко?

- Нет, там сильный ветер, с запада, с Моря, не жарко, только здесь.
- Давай мешок.
- Тяжелый.

Но он перегибается через планшир и все равно затаскивает его в лодку, вытянув руки и напрягшись, и укладывает его на решетки днища, а я забираюсь и показываю на свою обувь – «Башмаков нет, смотри» —

Заводит движок пока мы отчаливаем, а я залепляю пятки пластырем предварительно отмочив их в течении за бортом – Ух, вода поднимается и бьется о мои ноги выше, поэтому их я тоже мою, до самых колен, и мои измученные шерстяные носки тоже намокают и я их выкручиваю и раскладываю сушиться на корме – опля —

И вот мы такие тарахтим обратно к миру, ярким солнечным и прекрасным утром, и я сижу на носовой банке и курю новые «Фарты-Верблюды»^[57] которые он мне привез, и мы разговариваем – Мы орем – движок громкий —

Мы орем как и повсюду на свете Не-Опустошения (?) люди орут в рассказывательных комнатах, или шепчутся, шум их бесед сплавляется в один обширный белый состав святого наступившего молчания которое в конечном итоге вы будете слышать вечно когда научитесь (и научитесь не забывать слышать) – Так почему бы и нет? валяй ори, делай что хочешь —

И мы говорим об оленях —

54

Счастье, счастье, бензиновый дымок по озеру – счастье, книжка про ковбоев которая у него с собой, которую я мельком просматриваю, первая потрепанная пыльная глава с презрительно ухмыляющимися парнягами в сомбреро не иначе как замышляют убийства в расщелине каньона – ненависть накаляет их физиономии голубой сталью – скорбные, тощие, измученные, потасканные лошади и жесткий чапараль – И я думаю «О фиг ли все это сон, кому какое дело? Кончай, то что проездом через всё, проездом через всё, я с тобой» – «Давай проездом через моего дорогого Фреда, пусть он почувствует экстаз твой, Боже» – «Давай проездом через всё это» – Как может вселенная быть чем-то иным кроме Утробы? Причем Утробы Бога или Утробы Татхагаты, это просто два языка а не два Бога – И как бы то ни было истина относительна, мир относителен – Все относительно – Огонь есть огонь и не есть огонь – «Не беспокой Эйнштейна спящего в своем блаженстве» – «Значит это всего лишь сон поэтому заткнись и наслаждайся – озеро разума» —

Лишь изредка Фред разговаривает особенно со старым словоохотливым Энди погонщиком мулов из Вайоминга, но говорливость того лишь заполняет паузы по роли – Хотя сегодня пока я сижу и курю свою первую сигарету из пачки, он разговаривает и со мною, думая что мне нужны разговоры после 63 дней уединения – а разговаривать с человеком это как летать с ангелами.

«Олень, второй – важенки – как-то ночью две молодые ели прямо у меня во дворе – (Кричу я поверх двигателя) – Медведь, признаки медведя – голубика – Странные птицы», добавляю я подумав, и бурундуки с овсинками в лапках что понавывергивали из ограды старого загона – Пони и лошади старины 1935-го

где
Они теперь?

– А на Кратере койоты!

Приключения Опустошения – мы медленно едем три мили в час по озеру, я откидываюсь на спинку банки и просто впитываю солнце и отдыхаю, не нужно кричать – смысла нет – И вскоре он уже покрыл все озеро и оставил Закваску по правому борту а Кошачий Остров далеко позади и устье Большого Бобра, и мы заворачиваем к маленькому тряпичному белому флажку вздернутому на бонах (бревнах) сквозь которые проплывает лодка – но груда других бревен которые величественно весь август лениво ниспускались с карового озера Хозомина – вот они и нам приходится маневрировать и распахивать их чтобы проскользнуть – после чего Фред возвращается к своему часовому прочтению Страховых бланков с коротенькими комиксами и рекламками на которых встревоженные американские герои волнуются о том что станет с их родней когда их не станет – неплохо – а впереди, распластавшись по низовьям озера, дома и плоты Курорта Озера Росс – Эфес, мать всех городов для меня – мы целим прямо туда.

А вот и бережок где я провел весь день за рытьем в каменистой почве, на четыре фута в глубину, Мусорной Ямы Лесного Обьездчика и за болтовней с Зилом пацаном-квартироном который бросил бегать по тропе вдоль плотины и больше его никогда не видели, бывало он вместе с братьями колол кедровые бревна по морозобоинам за отдельную плату – «Не люблю я работать на правительство, проклятье еду в ЛА» – и вот он берег где, покончив с рытьем ямы и продравшись по тропе сквозь кустарник, по извилистой, к сортирной дыре вырытой Зилом, я спустился к воде и кидался камнями в суденышки консервных банок и адмиральствовал себя Нельсоном если им не удавалось удрать и отплыть подальше и достичь Золотой Вечности – прибегнув наконец к здоровым деревянным плахам и огромным булыжникам, чтоб потопить кораблик-жестянку, но тот не желал тонуть. Ах Доблесть – И длинные длинные боны я думал что смогу добраться по ним до Плоты Станции Обьездчиков без лодки, но когда дошел до среднего бона и надо было перепрыгивать на три фута через беспокойную воду на притонувшее бревно я понял что вымокну и бросил это дело и вернулся – вот оно все, всё в июне, а теперь сентябрь и я еду четыре тысячи миль по городам ребра Америки —

– Пообедаем на плоту потом подберем Пэта.

Пэт в то утро тоже вышел с поста на Кратере и отправился вниз по 15-мильной тропе, на самой заре, в 3 часа утра, и будет ждать в 2 часа пополудни. Внизу у Громового Рукава —

– Ладно – но я посплю пока вы это делать будете, – говорю я —

Эт'кай со старым «токаем» —

Мы втискиваемся между плотов и я вылезаю и привязываю конец к деревянному кнехту и Фред выкидывает мой мешок, теперь я босиком и мне четко – И О огромная белая кухня полная еды и радио на полке, и письма что меня ждут – Но мы все равно пока еще не проголодались, немножко кофе, я включаю радио а он едет за Пэтом, 2 часа туда и обратно, и вдруг я наедине с радио, кофе, сигаретами и странной книжонкой про героического торговца поддержанными автомобилями в Сан-Диего который видит девчонку на табурете в кафешке и думает «У нее клевая жопка» – У-ух, снова в Америке. – А по радио вдруг Вик Дэмоун поет песенку которую я совсем забыл спеть на горе, старую-престарую, не полностью забыл ее но тут не переработка, он шпарит с полным оркестром (О гений Американской Музыки!) на «В Этом Мире,

Обычных людей,
Не-о-бычных людей,
Я рад что есть ты», —

задерживая на «ты», дыхание, «В этом мире, удовольствий чрезмерных, сокровищ незаметных», хмм, «Я рад что есть ты» – Это я сказал Полине Коул чтоб та велела Саре Вон спеть ее в 1947 году – Ох вот прекрасная американская музыка над озером, а потом, после изысканных забавных очаровательных слов диктора из Сиэтла, Ой, Вик поет

«Твоя Ладонь коснулась
Лба моего», —

неторопливо, и вступает роскошная труба, «Кларк Терри!» узнаю его я, сладко играет, и старый плот постанывает нежно на своих боках, середина яркосветлого дня – Тот же старый плот что в бурные ночи гремит и грохочет и лунный свет завывает по воде плещущим лоском, О кручина инея Последнего Северозапада и теперь у меня больше нет границ через которые идти и – Мир снаружи просто кусок сыра, а сам я кино, а вот хорошенькая поющая ловушка —

56

Ловко ловит меня, кабы не эти старые горы что торчат прямо из ляполакающего ляпис-лазурного берега, старый весенний снег все еще на них, вершинках, и скорбные смертные старинные летние облака промокающие розовый мирный полдень Эмили Дикинсон и ах бабочек – Дразнятся в кустарнике жучки – На плоту, никакой живности, лишь лилейное лаканье воды по подбрюшьям бревен, да постоянная струя из кухонного крана который они подвели к бесконечному горному потоку, пусть себе льется холодная весь день, так что когда нужен стакан воды вот она, подключайся – Солнышко – жаркое солнце сушит мне носки на раскаленной покоробленной палубе – а Фред уж отдал мне новую пару старых ботинок чтоб я дошел хотя бы до магазина в Конкрите купить себе новые – Я загнал торчавшие гвозди обратно в подметки большим молотком Лесной Службы на барже с мастерской, и в них будет удобно, с толстыми носками – Когда носки высыхают это всегда триумф, когда есть свежая пара, и в горах и на войне

Ангелы в Опустошении —
Видения Ангелов —
Видения Опустошения —

Ангелы Опустошения

Долго ли коротко ли но вот он появляется, старина Фред вместе с лодкой и я вижу кукольную фигурку с ним рядом за целую милю, Пэт Гартон наблюдатель с Кратерной Горы, возвращается, озираясь, радостный, совсем как я – Паренек из Портленда Орегон и все лето по радио мы с ним обменивались утешениями – «Не беспокойся, скоро закончится» скоро даже октябрь наступит – «Ага, но когда настанет этот день я просто *лететь* с горы буду!» – вопит Пэт – Но к несчастью рюкзак у него оказался слишком тяжел, раза в два тяжелее моего, и он чуть было не опоздал и попросил лесоруба (добрую душу) помочь донести ему рюкзак последнюю милю вниз по рукаву ручья —

Они подруливают и привязываются небольшим кончиком, что мне как раз и нравится делать самому поскольку я так уже делал с большими пеньковыми канатами швартуя сухогрузы здоровыми в туловище толщиной, широко ритмично раскачивая петли, но с маленьким кончиком тоже прикольно – Кроме этого мне хочется выглядеть полезным, мне за сегодня еще платят – Они вылезают и после того как я слушал голос Пэта все лето я смотрю на него и он на себя не похож – Мало того как только мы усаживаемся в кухне и еще когда он идет со мной

рядом меня вдруг охватывает жуткое чувство что его здесь нет и я специально бросаю на него взгляд проверить – На какой-то миг этот ангел растворился – Два месяца в опустошении и вот результат, неважно как называется твоя гора – Он сидел на Кратере, который мне было видно, явно на самом краешке вымершего вулкана, среди снегов, подверженный всем бурям и переменам ветра прилетающего туда с любой стороны сквозь ложбину между Рубиновой Горой и Закваской, и с востока, и с моего севера и у него было больше снега чем у меня – И койоты были по ночам как он говорил – И шугань выходить из хижины по ночам – если он когда-то и боялся зеленого лица в окне своего детства в пригороде Портленда, то там у него было предостаточно масок чтоб подмешаться в зеркальное отражение его глаз рыскающих по ночи – Особенно туманными ночами, когда с таким же успехом можешь оказаться в блейковской Воющей Пустоте или хотя бы в старинном Аэроплане Тридцатых Годов который заблудился в тумане с нулевым потолком – «Ты там Пэт?» – в шутку спрашиваю я —

– Я бы сказал что я тут и тоже готов ехать дальше – а ты?

– Все решено – нам надо сделать еще кусок тропы по дамбе хоть, черт —

– Не знаю смогу ли, – честно признается он, он хромает. – Пятнадцать миль с самого рассвета до рассвета – ноги у меня уже сдохли.

Я поднимаю его мешок и он весит 100 фунтов – Он даже не позаботился выкинуть 5 фунтов литературы Лесной Службы с картинками и рекламой, все это засунуто в его мешок а в довершение всего под мышкой у него спальный – Слава Богу что у его ботинок хоть подметки есть.

Мы весело обедаем разогретыми свиными отбивными, воя от масла варенья и того чего у нас там не было, и чашку за чашкой пьем крепкий кофе который я заварил, и Фред рассказывает про Пожар на Макаллистере – Кажется с самолета скинули столько сотен тонн оборудования и все это до сих пор разбросано по всему склону горы – «Надо сказать индейцам чтобы пошли туда и все съели», думаю я собираясь произнести это вслух, но индейцы-то здесь откуда?

– Никогда больше не буду наблюдателем, – объявляет Пэт, и я повторяю за ним следом – пока во всяком случае – У Пэта все та же короткая стрижка вся заросшая за целое лето и мне удивительно видеть насколько он молод, лет 19 или около того, а я такой *старый*, 34 – Меня это не волнует, я наоборот доволен – В конце концов и старине Фреду 50 а ему наплевать и мы живем как живем и расстаемся навсегда как расстаемся – Только чтоб снова вернуться в каком-то ином обличье, как в форме, сущность наших 3 соответственных существ разумеется не приняла 3 разные формы, она здесь лишь проездом – Значит все это Бог а мы ангелы разума, поэтому благослови и садись —

«Во как, – говорю я, – сегодня вечером куплю себе несколько бутылочек пивка – или бутылку вина – и посижу у реки» – Только я всего этого им не рассказываю – Пэт не пьет и не курит – Фред время от времени зашибает, по пути вверх в грузовичке за два месяца до этого прежде чем Энди раскупорил свою кварту 12-градусного черничного вина купленную в Марблмаунте и мы все вылакали его не успев доехать и до Ньюхэлама хотя бы – В тот раз я пообещал Энди что куплю ему большую кварту виски, в благодарность, но теперь я вижу что он где-то в других местах, на Большом Бобре со своим рюкзаком, я воровато соображаю что могу ускользнуть отсюда и не покупая Энди этой четырехдолларовой бутылки – Мы собираем вещи, после долгой застольной беседы – Фред тархтит моторкой вниз мимо плотов Курорта (бензонасосы, лодки, номера внаем, снасти и снаряжение) – вниз до большой белой стены Дамбы Росс – «Давай я понесу твой рюкзак Пэт», – предлагаю я, прикидывая что сил у меня на это хватит и дважды тут не раздумываю ибо сказано в Гранильщике Мудрого Обета (моя библия, *Ваджраччхедика-праджняпарамита* которая как предполагается была сказана устно – как же еще? – самим Шакьямуни) «практикуй щедрость но думай о щедрости лишь как о слове и не более того», по этому поводу – Пэт благодарен, вздергивает мой рюкзак на себя, я беру его неохватный тяжеленный баул и влезаю в лямки и пытаюсь встать и не могу, придется для этого

отпихнуть Атласа^[58] – Фред улыбается из лодки, на самом деле ему не хочется чтоб мы уходили – «Увидимся, Фред».

– Не бери в голову

Мы отходим но в пятку мне сразу же впивается гвоздь поэтому мы останавливаемся у тропы идущей по дамбе и я нахожу кусочек сигаретной пачки рыбаков и подкладываю его вместо стельки, и мы идем дальше – Дрожь, не могу, ноги мои опять отказывают – Тропа отвесно спускается обвиваясь вокруг утеса возле дамбы – В одном месте она снова ползет вверх – Это отдых для ног, я просто сгибаюсь и пыхчу дальше – Но мы несколько раз останавливаемся, оба выдохшиеся – «Мы никогда не дойдем, – повторяю все время я и лопочу на совершенно разные темы – На горе учишься чистым вещам, правда? – ты не чувствуешь что стал ценить жизнь больше?»

– Конечно, чувствую, – отвечает Пэт, – и буду рад когда мы отсюда свалим.

«Ах сегодня заночуем в общежитии а завтра поедем домой» – Он может подбросить меня до Маунт-Вернона на Трассе 99 в 5 часов вечера, но я лучше утром поеду стопом сам, не стану ждать – «Я буду в Портленде раньше тебя», – говорю я.

Наконец тропа выравнивается у самой воды и мы шлепаем и потеем сквозь группки сидящих работников плотины Городской Электростанции – следят за шлюзом – «Куда тут катер подходит?»

Его спальник у меня под мышкой выскользнул и развернулся и я так и несу его, наплевать – Мы подходим к пристани и там такие маленькие деревянные сходни и мы топаем прямо по ним, женщине с собакой сидящим на них приходится подвинуться, мы не останавливаемся, сбрасываем поклажу на настил и я быстренько шлепаюсь на спину, мешок под голову, и закуриваю – Всё. Никаких больше троп. Катер довезет нас до Дьябло, до самой дороги, немного пройти по ней, там гигантский питтсбёргский подъемник, а внизу уже поджидает наш грузовичок с Чарли за баранкой —

57

Потом вниз по тропе которую мы только что с потом преодолели сами, бегом чтоб успеть на катер, спускаются два безумных рыболова со всем своим снаряжением и целым навесным мотором прицепленным к 2-колесной таратайке которую они катят перед собой и подпрыгивают с нею вместе – Как раз успевают, подходит катер, мы все садимся – Я растягиваюсь на сиденье и давай себе медитировать и отдыхать – Пэт где-то на корме разговаривает с туристами о том как провел лето – Катер пыхтит по узкому озеру между валунами-утесами – Я просто лежу на спине, сложив руки, с закрытыми глазами, и напроць медитирую всю эту сцену – Я знаю что здесь больше чем видно глазу, помимо того что видно глазу – Вы тоже это знаете – Вся поездка занимает 20 минут и вскоре я уже чувствую как катер медленно подходит и стучается о причал – Подъем, берем мешки, я по-прежнему тащу здоровенный рюкзак Пэта, щедрость до самого конца? – И даже так четверть мили по грунтовке дается нам с болью, огибаем утес, и оба! вот она платформа большого подъемника готовая легко опустить нас на тысячу футов к чистеньким домикам и лужайкам и к тысячам кранов и кабелей подсоединяющих Плотину Электростанции, Дамбу Дьябло, Дьявольскую Плотину – дьявольски скучно тут жить, скучнее в целом мире не бывает, всего одна лавчонка да и в той нет пива – Люди поливают свои тюремные лужайки, дети с собаками, Среднепромышленная Америка посреди рабочего дня – Маленькая застенчивая девчушка держится за материно платье, мужики разговаривают, все это на платформе, и вскоре она начинает со скрежетом опускаться и мы медленно нисходим в дол земной – Я все еще считаю: «Одну милю в час в сторону Мехико к нему на Плато Высокогорной Долины в четырех тысячах миль отсюда» – щелк пальцами, кому какое дело? – Вверх ползет большой противовес из цельного куска железа удерживающий нас в равновесии нена-

дежного спуска, величественные тонна за тонной черной массы, Пэт показывает мне его (с комментариями) (он собирается стать инженером) – У Пэта легкий дефект речи, чуть заикается в возбуждении и кипении, давится словами, иногда, и губа у него слегка отвисает, но ум у него острый – к тому же в нем есть мужское достоинство – Я знаю что по радио все лето он иногда очень смешно хохмил, все эти его «опа-ля» с восторгами, но по этому радио не было ничего безумнее серьезного евангелиста студента-иезуита Неда Гауди который, когда его навестила компания наших скалолазов и пожарников, завопил и захихикал как полоумный, дичее я ничего не слыхал, севшим голосом, а все оттого что так внезапно пришлось заговорить с неожиданными гостями – Для меня же единственной пластинкой по радио было «Лагерю Хозомин от сорок второго», прекрасное стихотворение каждый день, поговорить со Стариной Скотти, ни о чем, да несколько кратких фраз с Пэтом да несколько очарованных разговоров с Гауди да в самом начале несколько словесных уступок по части того что я готовлю, как я себя чувствую, и почему – Это Пэт смешил меня чаще всего – На пожаре все время говорили про какого-то «Джона Троттера», и Пэт придумал два таких объявления: «Шмат Джона Трата сбросят со следующего самолета вместе с грузом. Джон Твист не влез в груз первого самолета», вот взял и так и сказал – мозги совершенно набекрень —

Внизу у подъемника ни следа нашего грузовичка, сидим и ждем и пьем воду и разговариваем с маленьким мальчиком у которого большая красивая колли-лэсси^[59] посреди этого изумительного дня —

Наконец грузовичок показывается, за рулем старый Чарли, служащий в Марблмаунте, 60 лет, живет там же в маленьком трейлере, сам готовит, улыбается, печатает, замеряет бревна – читает в койке – сын у него в Германии – моет за всеми посуду в большой кухне – Очки – седые волосы – как-то на выходные когда я спустился за куревом он как раз ушел в леса со счетчиком Гейгера и удочкой —

– Чарли, – говорю я, – готов поспорить что в засушливых горах Чиуауа много урана
– Где это?

– Южнее Нью-Мексико и Техаса, парень – ты что ни разу не смотрел «Сокровища Сьерра-Мадре» это кино про старого дуралея-старателя который обставил всех парней и нашел золото, целого золотого горного козла и они встретились с ним в трущобной ночлежке он такой в пиджаке, старый Уолтер Хьюстон?

Но я слишком не болтаю вижу что Чарли как-то неловко и насколько я знаю они не понимают ни слова из моей речи с ее франко-канадскими и нью-йоркскими и бостонскими и бродяжьими смыслами перемешанными вместе и даже с поминально-финнеганскими – Они ненадолго останавливаются поболтать с лесничим, я лежу на лавке как вдруг вижу: детишки врубаются в лошадей сидя на заборе под деревом, я подхожу – Что за прекрасный миг в Скучногородишке Дьябло! Пэт валяется на травке чуть поодаль (по моему настоянию) (мы-то старые алкаши все знаем секрет этой травки), Чарли болтает со стариком из Лесной Службы, а тут этот здоровый красавец-жеребец тычется золотистым носом мне в кончики пальцев и фыркает, и кобылка с ним рядом – Детишки прыскают от нашего с маленькими лошажьими нежностями общения – Среди них 3-летний карапуз, который никак не может дотянуться —

Они мне машут, и мы отправляемся, с рюкзаками в кузове, в марблмаунтскую общагу – Болтаем – И вот уже наваливаются горести не-горного мира, в узкой пыли трудно тащатся большие развалистые грузовики с камнями, нам приходится съехать на обочину и пропустить их – Тем временем справа от нас то что осталось от Реки Скаджит после всех этих плотин и водосбора в Озере (небесно нейтральном) Росс (моего Бога любви) – кипящий раздраженный старый сумасшедший поток однако, широкий, вымывает золото в ночь, в артериальную Пасифику Сквохолвиша Квакиутля^[60] которая там в нескольких милях к западу – Моя чистейшая любимая речка Северо-запада, у которой я сидел с винцом на пнях засыпанных опилками, ночью, пия под скворчание звезд и следя как движущаяся гора шлет и пропускает весь этот

снег – Прозрачная, зеленая вода, цепляет коряги, и Ах все реки Америки которые я видел и которые видели вытекание без конца, томас-вульфское^[61] видение Америки истекающей кровью в ночи своими реками стекающими в зев моря но затем наступают взвихренья и новорожденья, громоносен рот Миссисипи в ту ночь когда мы туда свернули и я спал в гамаке на палубе, плеск, дождь, всполох, молния, запах дельты, где Мексиканский Залив выбрасывает на помойку ее звезды и весь раскрывается навстречу покровам воды которые будут разделять как им это угодно в разделяемых недостижимых горных проходах где одинокие американцы живут в маленьких светочах – Вечно роза что течет, брошенная потерянными но неустрашими любовниками с мостов фей, чтоб истечь кровью в море, увлажнить труды солнца вернуться вновь, вернуться вновь – Реки Америки и все деревья по всем берегам и вся листва на всех деревьях и все зеленые миры во всей листве и все молекулы хлорофилла во всех зеленых мирах и все атомы во всех молекулах, и все бесконечные вселенные внутри всех атомов, и все наши сердца и вся наша ткань и все наши мысли и все наши мозговые клетки и все молекулы и атомы в каждой клеточке, и все бесконечные вселенные в каждой мысли – пузырьки и шарики – и все звездные светы танцующие на всех волночках рек без конца и везде в мире бог с ней с Америкой, ваши Оби и Амазонки и Уры я верю и Конго-принадлежащие Озеро-плотинные Нилы чернейшей Африки, и Ганги Дравидии, и Янцзы, и Ориноки, и Платы, и Эйвоны и Мер-римаки и Скаджиты —

Майонез —
 майонез плывет в банках
 Вниз по реке

58

Мы едем вниз по долине в собирающейся темноте, миль 15, и подъезжаем к тому повороту за которым по правую руку мили прямой асфальтированной дороги среди деревьев и угнездившихся меж стволами фермочек к Лесничеству в тупике, такая изумительная дорога чтобы гнать по ней что та машина которая последней подвозила меня сюда два месяца назад, немного вторчав от пива, залупила меня к Лесничеству со скоростью 90 миль в час, свернула на гравий подъезда на 50, взметнула облако пыли, до свиданья, и вихляясь с ревом унеслась прочь, так что Марти Помощник Лесничего встретившись со мною впервые.

– Ты Джон Дулуоз? – рука протянута потом же добавил: – Это твой друг?

– Нет.

– Я б не против поучить его кое-чему насчет превышения скорости на государственной собственности —

И вот мы опять подъезжаем, только медленно. Старый Чарли сжимает баранку а наша летняя работа сделана —

В общежитии под большими деревьями (Лентяй б написано на ней краской) пусто, мы кидаем вещи на койки, все замусорено книжками про девок и полотенцами после недавних шараг пожарников направлявшихся на Макаллистер – Каски на гвоздиках, старое радио которое не хочет играть – Я сразу же начинаю с того что развожу большой костер в печке душевой, чтоб залезть под горячий душ – Пока вожусь со спичками и щепками, подходит Чарли и говорит «Разводи побольше» и берет топор (который сам наточил) и удивляет меня до чертиков своими внезапными резкими ударами (в полутьме) начисто раскалывая поленья и стряхивая их с топора, это в 60-то лет даже я так колоть дрова не могу – насмерть —

– Боже мой Чарли, я и не знал что ты так топором орудовать можешь!

– Ага.

Из-за небольшой красноты его носа я предполагаю что он оседлый алкаш – ни фига – когда он пил то он пил, но не на работе – Тем временем Пэт в кухне разогревает старое баранье рагу – Так мягко и восхитительно снова спуститься в долину, тепло, ветра нет, несколько листиков осени желтеют в траве, теплые огни домов (дом Лесничего О’Хары, с тремя детишками, Герке тоже) – И вот впервые я понимаю что это уже в самом деле Осень и умер еще один год – И эта слабая не-болезненная ностальгия по Осени висит дымком в вечернем воздухе, и ты знаешь «Ну Вот, Ну Вот, Ну Вот» – На кухне я набиваю утробу шоколадным пудингом и молоком и целой банкой абрикосов и сгущенкой и промываю все гигантской тарелкой мороженого – Записываю свою фамилию на листке пообедавших, имея в виду что с меня вычтут 60 центов за еду —

– И это все что ты есть собираешься – а рагу?

– Нет, мне больше ничего не хотелось – я наелся.

Чарли тоже ест – Мои щеки на несколько сот долларов в закрытой на ночь конторе, Чарли вызывается мне их принести —

– Не-а, я только три доллара на пиво в баре потрачу в конечном итоге. – Лучше устрою себе спокойный вечерок, в душе помоюсь, посплю —

Мы заходим в трейлер к Чарли немного посидеть, словно соседи заглядывают в кухню на огонек где-нибудь на ферме Среднего Запада, я не выдерживаю этой скуки, ухожу в душ —

Пэт немедленно начинает храпеть а я заснуть не могу – Выхожу и сижу на бревнышке в ночи Индейского Лета и курю – Думаю о мире – Чарли спит в своем трейлере – С миром все нормально —

Передо мной лежат приключения с другими ангелами что гораздо побезумнее, и опасности, хоть я и не могу предвидеть но полон решимости быть безучастным – «Буду просто проездом через всё, как то что проездом через всё» —

А завтра пятница.

Наконец я и впрямь засыпаю, наполовину вылезши из спальника так тут тепло и душно на низкой высоте —

Утром я бреюсь, воздерживаюсь от завтрака в пользу плотного обеда, иду в контору за чеками,

Яркое утро на утренних столах

Где мы пред ликом нежной музыки расплаты

59

Начальник на месте, большой добрый мягкий О’Хара с сияющей физиономией, он кивает и говорит приятности, Чарли за столом обалдевший от бланков как обычно, и тут заходит помощник лесничего Герке одетый (еще с пожара, когда настал его час) в комбез лесоруба с традиционными подтяжками, и в синюю легко стирающуюся рубаху, с сигаретой во рту, пришел на утреннюю работу в контору, и очки аккуратные и опрятные, и только что от молодой жены из-за утреннего стола – Говорит нам:

– Что ж, вреда вам это не принесло. – В том смысле что мы нормально выглядим, хоть и думали что уже померли, Пэт и я – И они выкатывают большие чеки чтоб нам скитаться с ними по всему миру, я ковыляю полторы мили до городка в башмаках набитых оберточной бумагой, и плачу в магазинчике по счету свои \$51.17 (за всю летнюю провизию), и на Почте, где рассылаю долги – Трубочка мороженого и последние бейсбольные новости на зеленом стуле возле травки, но газета такая новая и чистая и свежотпечатанная что пахнет краской и мое мороженое от этого прокисает, а меня не оставляет мысль газету съесть, отчего начинает тошнить – от всей этой газеты, от Америки вообще тошнит, не могу же я съесть газету – все напитки

которые они подают это газета, и двери универсама открываются автоматически перед вздутыми брюхами беременных покупателей – газета слишком суха – Мимо проходит веселенький торговец и спрашивает:

– Там что, новости бывают?

Сиэтлская «Времена» —

– Ага, про бейсбол, – отвечаю я – облизывая конус мороженого – готовый начать стопать через всю Америку —

Ковыляю обратно в общагу, мимо гавкающих собак и Северо-западных субъектов сидящих в дверных проемах маленьких коттеджей беседуя о машинах и рыбалке – Иду на кухню и разогреваю себе обед из яичницы, пять яиц с хлебом и маслом, и все – Ради кайфа дороги – Как вдруг заходят О’Хара и Марти и говорят что с Наблюдательной Горы только что сообщили о пожаре, пойду ли я с ними? – Нет, не могу, показываю им башмаки, даже Фредовы жалкая замена, и говорю:

– У меня мышцы не выдержат, на ступнях – по маленьким камешкам, – идти искать то что возможно и не пожар вовсе а просто дым о котором сообщил самый общительный Говард с Наблюдательной Горы да и дым наверняка промышленный какой-нибудь – В любом случае, не могу себе этого вообразить – Они чуть ли не заставляют меня передумать, я не могу – и мне жаль когда они уходят – и я хромаю к общаге чтобы сняться отсюда, а Чарли вопит из дверей канторы

– Эй Джек, чё там хромаешь?

60

Что меня подхлестывает, и Чарли отвозит меня на перекресток, и мы обмениваемся прощаниями, и я обхожу кругом машину с рюкзаком и говорю:

– Ну я пошел, – и машу первому же проходящему автомобилю, который не останавливается – Пэту, которому я только за обедом сказал «Мир вверх тормашками и смешной и это сумасшедшее кино» я говорю

– Прощай Пэт, как-нибудь увидимся, *аста ла виста*, – и обоим: – *Адиос*¹², – а Чарли отвечает:

– Опusti мне открытку.

– С *видами*?

– Ага, любую – (потому что я договорился чтобы последние чеки мне отправляли почтой в Мексику) (поэтому позже с самого доньшка мира я и впрямь послал ему открытку с ацтекским красным головным убором) – (за что я вижу меня стебают все они втроем, Герке, О’Хара и Чарли: «У них там они тоже есть», имея в виду индейские рожи) —

– Прощай Чарли, – а я так и не узнал как его фамилия.

61

Я на дороге, после того как они уезжают, иду полмили пешком чтобы свернуть за поворот и скрыться у них из глаз когда они вернутся – Вот едет машина не в ту сторону но останавливается, в ней Фил Картер который постоянно в лодке на озере, старая добрая сезонная душа, такой же искренний и широкий как уголья к востоку, с ним едет 80-летний старикан – этот яростно и упорно смотрит на меня своими огненными глазами —

– Джек, хорошо что встретились – это мистер Уинтер он построил хижину на Пике Опустошения.

¹² Прощай... пока (*искаж. исп.*).

– Отличная хижина, мистер Уинтер, вы знатный плотник, – и я на самом деле не лщу ему, вспомнив ветра лупившие по такелажу на крыше когда сам дом, утопленный в бетоне стальными стержнями, даже не пошелохнулся – лишь только когда гром потряс всю землю и в 900 милях к югу в долине Милл-Вэлли родился еще один Будда – мистер Уинтер яростно прожигает меня своим освещенным взглядом, и ухмылка широченная – как у старины Конни Мэка^[62] – как у Фрэнка Ллойда Райта^[63] – Мы жмем друг другу руки и расстаемся. Фил, это тот мужик который читал по радио письма мальчишкам, нет ничего печальнее и искреннее такого чтения «– и Мама хочет тебе сообщить что Джж – дж – Джилси родился 23 августа, такой славненький мальчонка – И здесь говорится» (встревает Фил) «не очень правильно написано, мне кажется твоя Мама что-то не так решила написать» – Старина Фил из Оклахомы, где режут Черокские Пророки – Он отъезжает прочь в своей гавайской спортивной распашонке, с мистером Уинтером (Ах Энтони Троллоп^[64]), и я его больше уже никогда не вижу – Лет 38-ми – или 40-ка – сидел у телевидения – пил пиво – срыгивал – ложился спать – просыпался с Господом. Целовал жену. Покупал ей маленькие подарки. Ложился спать. Спал. Водил лодку. Плевать хотел. Никогда не жаловался. И не критиковал. Никогда не говорил ничего кроме простых обычных разговоров о Дао.

Я иду эти полмили за жаркий полыхающий поворот, солнце, марево, весь день автостопа с тяжелым рюкзаком будет опален солнцем.

Собаки облаивают меня с ферм но меня не тревожат – Старый Навахо Джеко-Яки^[65] Чемпион Ходьбы и Святой Самопрощенной Ночи топает себе дальше к темноте.

62

За поворотом наверняка так что Пэт и Чарли не будут надо мною смеяться, и даже может быть О'Хара с Герке где-нибудь сейчас едут и увидят тут меня, своего постоянного летнего наблюдателя, что стоит опустошенный на пустой дороге в ожидании 4000-мильного перегона – Ясный сентябрьский денек с парящим теплом, и жарковато, я вытираю лоб большой красной косынкой и жду – Вот идет машина, сигналию ей, трое стариков, проносится мимо и останавливается поодаль и я пускаюсь за ней с мешком через плечо —

– Куда едешь, сынок? – по-доброму спрашивает меня крючконосый дед за рулем с трубкой во рту – Двое других смотрят с любопытством —

– В Сиэтл, – говорю я, – по 99, Маунт-Вернон, Сан-Франциско, всю дорогу —

– Что ж мы можем тебя чутка подбросить.

Выясняется что они едут в Беллингэм по 99-й но это к северу от моего маршрута и я прикидываю что вылезу там где они свернут с Дороги 17 по Долине Скаджит – Потом забрасываю мешок на заднее сиденье и втискиваюсь на переднее потеснив там двоих стариканов, не думая, не осознавая что тому который рядом со мной это может не понравиться – Я чувствую как он весь застывает от любопытства немного погодя, а я тем временем болтаю себя не помня и отвечаю на все их вопросы про здешнее захолустье – Ну и странные же эти трое старперов! Водитель уравновешенный, справедливый, открытый, решил жить в согласии с Богом, и остальные это знают – рядом его старейший партнер, тоже Богопослушный, но не так залипает по доброте и кротости, немного всеобще подозрителен – Все это ангелы в пустоте – На заднем сиденье такой натуральный хитрован, в том смысле что с ним все в порядке, он просто по жизни занял заднее сиденье, чтобы наблюдать и интересоваться (вроде меня) и поэтому как и во мне в нем есть немного от Шута и еще немного есть от Лунной Богини – Наконец когда я говорю «Там наверху дует славный ветерок», чтобы закруглить долгую беседу, а Крючконосый тем временем срисовывает один за другим повороты, никто мне не отвечает, мертвая тишина, и такого меня молодого Мага типа наставили на путь истинный Трое Старых Магов чтоб я хранил молчание, ибо ничто не имеет значения, мы все Бессмертные Будды Познавшие Время, поэтому

я затыкаюсь и наступает долгое молчание пока хорошая машина несется дальше а меня переправляют на другой берег Нирманакайя, Самбогхакайя и Дхармакайя все Трое Будды^[66], а на самом деле один, рука моя ниспадает на ручку правой дверцы а ветер дует мне в лицо (и еще от впечатлительности-возбужденности того что я вижу «Дорогу» после многих месяцев среди скал) я врубаюсь в каждый домик и дерево и луг по пути, хорошенький мирок взбитый для нас Господом чтоб мы его разглядывали и странствовали и смотрели как в кино, тот же самый грубый мир что исторгнет дыхание из нашей груди и уложит нас в конце в омертвевшие гробницы, нас кто не станет жаловаться (кому лучше этого не делать) – Чеховский ангел тишины и печали пролетает над нашей машиной – Вот мы въезжаем в старый бетонный Конкрит и минуем узкий мост и тут все эти кафкианские серые цементные заводы и подъемники для бадей с бетоном в милю длиной уходящие в бетонную гору – потом маленькие американские автомобильчики запаркованные наискось монашеской деревенской Главной улицы, с жаркими вспыхивающими витринами скучных лавок, «Пятерок-Десяток»^[67], женщины в ситцевых платьях покупают пакеты чего-то, старые фермеры проминают ляжки в магазине кормов, в скобяной лавке, люди в темных очках на Почте, такие сцены я буду видеть до самых границ Феллахской Мексики – сквозь эти сцены мне придется ехать стопом и сквозь них придется оберегать мешок (на Перевале Гранта в Орегоне за два месяца до этого жирный старый ковбой на грузовике с гравием специально пытался переехать мой рюкзак стоявший на дороге, я выдернул его как раз вовремя, он лишь осклабился) (Я помахал чтобы он вернулся, потряс кулаком, слава Богу что он меня не видел, это было б «Он нынче в каталажке, этот наш Бродяга Боб, раньше пил играл и грабил, а теперь он занемог»^[68]) (и нет мне спасенья с широкополой ковбойской опустошенной мексиканской шляпой, сворачивая сигаретки в захудалом салуне, а потом подрежу кобылку да и дерну в старую Мексику) (Монтерей, Масатлан желательно) – Три старых обормота докатывают меня до окраины Седро-Вулли где я и вылезаю чтобы ехать стопом по 99 – Спасибо им —

Перехожу через раскаленную дорогу к городку, надо купить новую пару ботинок – Сперва причесываюсь на бензоколонке и выхожу и там на тротуаре чем-то занята симпатичная женщина (расставляет банки) и ее ручной енот подходит ко мне а я присел на корточки на минутку сворачивая сигаретку, тянется своим длинным странным нежным носом к кончикам моих пальцев и просит поест —

Потом я стартую – на той стороне уходящей за поворот дороги какая-то фабрика, парень что там дежурит у ворот наблюдает за мною с величайшим интересом – «Посмотрите на этого типа с рюкзаком за спиной он голосует на дороге, куда это к чертям собачьим он направляется? откуда он едет?» Он смотрит на меня так пристально пока я двигаюсь дальше, ныряю в кусты по-быстрому пописать, и дальше через каровые озера и каналы нефтеразработок между асфальтовых полос автотрассы, и выхожу оттуда и ковыляю в своих больших раздолбанных с торчащими гвоздями башмаках уже в сам Седро-Вулли – Первой моей остановкой будет банк, вот он банк, некоторые таращатся пока я тащусь мимо – да-да, карьера Джеки Великого Святого Пешехода только началась, он свято заходит в банки и меняет правительственные чеки на дорожные аккредитивы —

Я выбираю хорошенькую рыженькую хрупкую девчушку типа школьной училки с голубыми доверчивыми глазами и объясняю ей что хочу получить аккредитивы и куда иду и где был и она выказывает интерес, да так что когда я говорю «Надо подстричься» (имея в виду за все летние горы) она отвечает «Да не похоже что очень нужно» и оценивает меня по достоинству, и я знаю что она меня любит, и сам люблю ее, и знаю что сегодня вечером могу с нею гулять под ручку до берегов Скаджита под светом звезд и ее не будет заботить что я сделаю, милую – она позволит мне осквернять себя по любому и всякому, ей этого и хочется, женщинам Америки нужны партнеры и возлюбленные, они стоят в мраморных банках весь день и имеют дело с бумагой и бумагу же им подают в Дорожном Кафе после Бумажного Кино, а они

хотят целующих губ и рек и травы, как в старину – Я настолько погружаюсь в ее хорошенькое тело и милые глаза и нежный лоб под нежной рыженькой челочкой, и в крохотные веснушки, и тонкие запястья, что не замечаю как позади уже скопилась очередь из шести человек, злые ревнивые старухи и молодые парни в спешке, я быстро ретируюсь со своими аккредитивами, подбираю сумку и смываюсь – Бросаю единственный взгляд назад, она уже занята со следующим клиентом —

Как бы то ни было настало время выпить первое за десять недель пиво.

Вот салун... по соседству.

Стоит жаркий день.

63

Я беру пиво у большой сияющей стойки и сажусь за столик, спиной к бару, и сворачиваю покурить, и подходит трясущийся старик лет 80 с клюкой, садится за столик рядом со мной и ждет глядя своими тусклыми глазами – О Гоген! О Пруст! будь я таким же художником или писателем, уж я бы описал это изъеденное и гнусное лицо, пророчество всего горя людского, никаких век никаких губ, никаких пёзд под светом звезд для этой милой несчастной развалины, и все эфемерно, и все равно уже утрачено – Выуживает свой маленький доллар целых пять минут – Держит его дрожащими руками – Долго смотрит в сторону бара – Бармен занят – «Почему он сам не встанет и не сходит себе за пивом?» О, это история спеси днем в баре Седро-Вулли на северо-западе Вашингтона в мире в пустоте которая суть опустошение вверх тормашками – Наконец он начинает грохотать своей клюкой и стучать требуя чтобы его обслужили – Я допиваю пиво, беру еще – Думаю принести пива ему – К чему вмешиваться? Черный Джек запросто может влететь сюда паля из всех револьверов и я прославлюсь на весь Запад застрелив Слейда Хикокса в спину? Пацан из Чиуауа, я ничего не говорю —

Два пива не вставляют меня, я понимаю что в алкоголе нужды нет что бы ни было у тебя на душе —

Я выхожу купить себе башмаки —

Главная улица, магазинчики, спортивные товары, баскетбольные, футбольные мячи для наступающей Осени – Элмер счастливый пацан уже готов воспарить над футбольным полем и трескать здоровые отбивные на школьных банкетах и получать свой аттестат, уж я-то знаю – Захожу в магазин и топаю в глубину и снимаю глиноступы и пацан подает мне синие ботинки с полотняным верхом и толстыми мягкими подметками, я их надеваю и прохаживаюсь, как по раю гуляешь – Покупаю, оставляю старые башмаки прямо там и выхожу —

Присаживаюсь у стенки и закуриваю сигарету и врубаюсь в маленький полуденный город, за городом сенно-зерновая силосная башня, железная дорога, склад леса, совсем как у Марка Твена, вот где Сэм Грант положил целый миллион за могилы Гражданской Войны – эта сонная атмосфера вот что разожгло пожар в виргинской душе Джексона Каменной Стены^[69], растопка —

Ладно, хватит – обратно на шоссе, через пути, и на поворот ловя движение на все три стороны —

Жду минут пятнадцать.

«На стопе, – думаю я, чтоб упрочить себе душу, – бывает хорошая Карма и плохая Карма, хорошая компенсирует плохую, где-то дальше по этой дороге, – (я смотрю и вот они, концы ее в маре, безнадежное безымянное наше ничто), – есть парень который возьмет тебя до самого Сиэтла чтобы ты сегодня же вечером получил газеты и вино, будь добрым и жди» —

А останавливается светловолосый пацан с язвой поэтому он не может играть в футбольной команде старшеклассников Седро-Вулли, но был восходящей звездой (я думаю так, он наверняка был лучшим), но ему позволили бороться в команде по борьбе, у него крупные ноги

и руки, в 17, я тоже был борцом (Чемпион «Черная Маска» в квартале) поэтому мы разговариваем о борьбе —

– Это классическая борьба – где становишься на четвереньки, а парень у тебя со спины, и погнали?

– Правильно, никакой туфты как в телике – все по-настоящему.

– А как очки считают?

Его долгий обстоятельный ответ доводит меня до самого Маунт-Вернона но мне вдруг становится его жалко, что не смогу остаться побороться с ним, и даже мячик попинать, он в самом деле одинокий американский пацан, как и та девчонка, ищет ничем не усложненной дружбы, чистоты ангелов, я содрогаюсь от мысли о клаках и кликах в старших классах раздирающих его на части к тому же его родители и предостережения врача и ему достается только пирожок среди ночи, никакой луны – Мы жмем друг другу руки, выезжаю, и вот он я в 4 пополудни жаркое солнце и машины возвращаются домой с работы равномерным потоком, на углу, перед бензоколонкой, все так озабочены тем чтобы свернуть за угол что им некогда рассматривать меня поэтому я там зависаю почти на целый час.

Смешно, жутко, человек сидит в «кадиллаке» на обочине и кого-то ждет, сперва когда он трогается я сигналию ему, он глупо ухмыляется и разворачивается и останавливается на той стороне дороги, затем снова заводится и снова разворачивается и опять проезжает мимо (на этот раз я глух и нем) и опять останавливается, раздраженное нервное лицо, О Америка что сделала ты со своими детьми машина! Однако магазины полны лучшей в мире еды, вкуснейших добряков, нового урожая персиков, дынь, всех сливочных плодов Скаджита богатого личинками и влажной землей – Потом подъезжает «эм-джи» и Боже мой там же Рыжий Коан за рулем, с девчонкой, он говорил что лето проведет в Вашингтоне, яростно разворачивается на подъездной дорожке к гаражу а я ору «Эй Рыжий!» и уже пока ору вижу что это не Рыжий и елки-палки вот скалится с видом я-вас-не-знаю, даже не ухмылка, оскал, скалится за своими рычагами и баранкой, вжик, разворачивается и с ревом прочь перднув выхлопом мне в лицо, вот так Рыжий Коан – и даже так я не уверен что это был на самом деле не он, изменившийся и злой – причем злой на *меня* —

Мрак.

Мрук.

Пусто.

Но вот подъезжает 90- или 80-летний старец устаревший патриархический ариец с седыми волосами сидит низко и старчески за высоким рулем, останавливается ради меня, я подбегаю, распахиваю дверцу, он подмигивает.

– Забирайся, мблodeц – я могу тебя чуть-чуть подвезти по дороге.

– Далеко?

– О – пару миль.

Опять будет совсем как в Канзасе (1952) когда меня тоже подвезли несколько миль по дороге а кончилось тем что я оказался на закате на открытых равнинах все пролетают мимо на 80 к Денверу и больше ничего – Но я пожимаю плечами, «Карма-карма», и лезу в машину —

Он немного разговаривает со мной, совсем чуть-чуть, я вижу что он по-настоящему стар, смешной к тому же – Шкандыбает на своей развалюхе по дороге, всех обгоняет, выбирается на прямой участок шоссе и запуливает 80 миль в час через фермерские поля – «Боже милостивый, а если у него сердце схватит!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии переводчика

1.

Помимо очевидных географических значений название «Ангелы Опустошения» может восходить к стихам Откровения св. Иоанна Богослова, в которых речь идет о разрушении Ангелами Божиими Вавилона: «...горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море! ибо опустел в один час» (Откр. 18–19).

2.

Под «Пустотой» Керуак имеет в виду «шуньяту» (санскр.) – центральное понятие буддийской школы мадхьямака и всего махаянского буддизма, обозначающее «отсутствие постоянного „я“ у личности» и «самобытия» у явлений, или отсутствие собственной природы вещей и явлений ввиду их относительности, обусловленности и взаимозависимости. То, что возникло сложением факторов и со стечением обстоятельств, пусто (шунья).

3.

Татхагата (санскр. «так пришедший / ушедший») – одно из имен Будды Шакьямуни (санскр. «Пробужденный мудрец из рода Шакья», 563 г. до н. э. – 483 г. до н. э.), духовного учителя, легендарного основателя буддизма. Получив при рождении имя Сиддхаттха Готама (пали) / Сиддхартха Гаутама (санскр. «Потомок Готамы, успешный в достижении целей»), позже стал именоваться Буддой (санскр. «Пробудившийся») и Полностью совершенным буддой. Его также называют Бхагаван («блаженный»), Сугата («идущий во благе»), Джина («победитель»), Локаджьештха («почитаемый миром») и др.

4.

Ланкаватара-сутра (санскр. «Сутра явления [Благого Закона] на Ланке») – одна и наиболее почитаемых и священных сутр буддизма махаяны.

5.

Урсула – камеристка Геро из комедии У. Шекспира «Много шума из ничего» (1598–1599), пытавшаяся по справедливости оценивать ухажеров своей госпожи.

6.

Сансара (санскр. «блуждание, странствование») – причинно-следственный ряд, круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

7.

«The Bonnie Banks o' Loch Lomond» – традиционная шотландская песня, вариация эротической песни XVIII в.

8.

Первая национальная система оповещения населения о радиационной и иной угрозе (сокр. Control of Electronic Radiation), установленная президентом США Хэрри Труменом в 1951 г.

9.

Уистен Хью Оден (1907–1973) – англо-американский поэт.

10.

Мики Чарлз Мэнтл (1931–1995) – профессиональный американский бейсболист.

11.

Дама с Озера – персонаж легенд о короле Артуре: Вивиана, владелица замка на дне озера, воспитательница Ланселота и возлюбленная Мерлина.

12.

Дхарма – Учение, Закон, одно из важнейших понятий в индийской философии и индийских религиях: совокупность установленных норм и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка. В зависимости от контекста дхарма может означать «нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия» и т. п.

13.

Ханьшань – легендарный китайский поэт-отшельник IX в.

14.

«The God That Failed» (1949) – сборник из шести эссе писателей и журналистов, разочаровавшихся в коммунизме. Помимо работы французского писателя Андре Жида, в книгу вошли эссе Луиса Фишера, Артура Кёстлера, Игнацио Силоне, Стивена Спендера и Ричарда Райта.

15.

Речь о Роберте Фрэнсисе Пеллегрини (1934–2008), будущем профессиональном американском футболисте; в то время был региональной звездой студенческого футбола, играл за колледж Мэриленда.

16.

Скаджиты («люди, которые прячутся») – два индейских племени американского Северо-Запада, говорящие на одном из северных поддиалектов языка лашутсид.

17.

«Молнией» (The Zipper) на жаргоне того времени обычно назывался товарный экспресс из Лос-Анджелеса в Денвер, шедший одну ночь.

18.

Американский джазовый саксофонист и композитор Чарлз Паркер-мл. по прозвищу «Птица» (1920–1955) в 1946 г. провел полгода в клинике для душевнобольных в Камарилло, Калифорния, где лечился от нервного срыва (он расхаживал по отелю в одних носках и пытался поджечь сигаретой свой матрас в номере), вызванного употреблением героина. После выписки Паркер записал композицию «Отдых в Камарилло».

19.

«Tenderloin» – район Сан-Франциско, позаимствовавший название у криминально-развлекательного района Нью-Йорка, по легенде названного так капитаном полиции Александером Уильямсом в 1876 г.: когда его переводили в другой район, он, сета на то, что публичные дома перестанут давать ему взятки, якобы пожаловался, что теперь ему по карману будет только лопатка, а вот раньше он питался одной вырезкой.

20.

«Goodwill Industries International Inc.» (с 1902) – американская неправительственная некоммерческая организация, финансируемая сетью благотворительных розничных магазинов.

21.

Авалокитешвара (санскр. «Владыка вззирающий») – бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех будд.

22.

Анна Ливия Плюрабель – воплощение вселенского женского начала в романе ирландского писателя Джеймза Огюстина Джойса (1882–1941) «Finnegans Wake» (1939).

23.

«Зеленая Божья Земля» – строка из религиозного стихотворения «Дух времен года» шотландского проповедника и поэта Уильяма Максвелла Хезерингтона (1803–1865).

24.

Луи-Фердинанд Селин (Луи Фердинанд Огюст Детуш, 1894–1961) – французский врач, романист и памфлетист. Жан Жене (1910–1986) – французский писатель, поэт, драматург и общественный деятель.

25.

«Queen Mary» (1934–1967) – британский трансатлантический пассажирский лайнер.

26.

См. роман Джека Керуака «Бродяги Дхармы».

27.

Сэра Лоис Вон (1924–1990) – американская джазовая певица. «Господню молитву» она записала с Тедом Дейлом и его оркестром в 1947 г.

28.

Дзадзен (яп.) – «сидячая медитация», медитативная практика, являющаяся основополагающей в буддизме дзен.

29.

Калинга – древнее государство на востоке Индии (территория современного штата Орисса), известное с VII в. до н. э.

30.

Праджня (санскр.) – буддийское понятие, обозначающее высшую трансцендентальную интуитивную просветленную мудрость, где отсутствуют какие-либо признаки или качества. «Пра» здесь – усилительная частица, обозначающая «высшее», «величайшее», «верховное» применительно к спонтанному типу познания.

31.

Алмазная сутра (санскр. «Ваджраччхедика Праджняпарамита сутра» – «Сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии») – сутра

цикла «Праджняпарамиты», основополагающий текст буддизма махаяны. Цитаты из основополагающих текстов буддизма здесь и далее приводятся согласно интерпретации автора.

32.

Имеется в виду Великая Минская империя (1368–1644) – государство, образовавшееся на китайских землях после свержения власти монгольской империи Юань.

33.

См. роман Джека Керуака «Доктор Сакс».

34.

От фр. *petite pousse* – маленький росток, побег. Вариант ласкового прозвища, данного Керуаку матерью в детстве.

35.

Дао (кит. букв. «путь») – одна из важнейших категорий китайской философии. Конфуций и ранние конфуцианцы придали ему этическое значение, истолковав как «путь человека», то есть нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок.

36.

Пужадизм – популистское движение в защиту мелких торговцев и ремесленников, основанное французским крайне правым политиком Пьером Пужадом (1920–2003) в 1953 г. Впоследствии термин стал обозначать воинственный мелкособственнический протест против толстосумов и аристократов с антиинтеллектуальных позиций, во имя «маленького человека» и «здорового смысла».

37.

Шурангама-сутра – сутра махаяны, один из основополагающих текстов чань-буддизма, переведена на китайский шраманой Парамити в 705 г. в Гуанчжоу.

38.

Майя (санскр. букв. «иллюзия», «видимость») – понятие в индийской философии, особая сила, или энергия, которая одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие его проявлений. Майя – иллюзия не от того, что лишена бытия, а от того что преходяща.

39.

Наги (санскр. «змеи») – мифические существа в индуизме и буддизме, изображаются в виде змей с человеческим торсом и человеческой головой, укрытой сверху веером змеиных голов. Обитают в пещерах и водоемах, на земле, в воде или под землей.

40.

Радамант – в древнегреческой мифологии сын Зевса и Европы. После смерти за свою справедливость стал судьей в загробном мире.

41.

Замок Бларни – замок XV в. в деревне на юге Ирландии под Корком, где находится т. н. «Камень Бларни», согласно поверьям, одаривающий силами красноречия и убеждения.

42.

«Красные мундиры» – прозвище английских солдат в период Войны за независимость.

43.

Махамати – бодхисаттва-махасаттва, на чьи вопросы Будда отвечает во второй-восьмой главах Ланкаватара-сутры.

44.

«Радуйся!» (искаж. лат.) – первое слово и название католической молитвы «Ave Maria».

45.

«Намо Амида Буцу» («Нэмбуцу») – японская транслитерация санскритской мантры «Намо Амида Буддая» («Призываю Будду Амиду» или «Поклоняюсь Будде Амиде»), важнейшая мантра, произносимая сотни раз в день последователями буддизма «Чистой Земли», по имени Будды Амитабхи или Амиды (Будды безграничного света).

46.

«Parker Brothers» (1883–1998) – американский производитель настольных игр.

47.

Орисаба – город в мексиканской провинции Веракрус, где в последние годы президентства Порфирио Диаса (1830–1915) произошла крупная забастовка рабочих, ставшая прелюдией к Мексиканской революции (1910).

48.

События описаны в романе Джека Керуака «Бродяги Дхармы» (1956, рус. пер. 1993). «Легенду Дулуоза», единое произведение, написанное подобно циклу романов Марселя Пруста «À la recherche du temps perdu» (1913–1927), составляют 14 книг.

49.

Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский юрист, писатель, биограф английского писателя и лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784).

50.

У. Шекспир. «Макбет». Секст Тарквиний – сын этрусского тирана Тарквиния Гордого, обесчестил добродетельную Лукрецию, жену Коллатина, которая затем покончила с собой (ок. 500 г. до н. э.).

51.

Уоллес Фицджеральд Бири (1885–1949) – американский актер театра и кино.

52.

Джон Бэрримор (Джон Сидни Блайт, 1882–1942) – американский актер театра, кино и радио, уроженец Филадельфии.

53.

Часть поговорки «Наилучшие замыслы мышей и людей часто заводят не туда» – аллюзия на стихотворение шотландского поэта Роберта Бёрнса (1759–1796) «Полевой мыши, чье гнездо

разорено моим плугом» (1785). В русской традиции «mice and men» обычно толкуется как «все живое».

54.

Джон Баньян (1628–1688) – английский писатель, баптистский проповедник.

55.

Отсылка к «Десяти быкам» (с XII в.): в традиции чань-буддизма это серия коротких стихотворений китайского мастера Коаня Шиюаня (яп. Какуан), сопровождающихся картинками, которые иллюстрируют этапы постижения практик махаяны, ведущих к просветлению, а также к последующей совершенной мудрости.

56.

Имеется в виду знаменитое слово Джеймса Джойса с первой страницы романа «Finnegans Wake» из 101 буквы (Bababadalgharaghtakamminarronkonnbronntonnerronntuonnthunntrovarrhounawnskawntoohohoordenent) обозначающее, среди прочего, падение Финнегана с лестницы и падение Адама и Евы.

57.

«Lucky Strike» (с 1871) – американская марка сигарет, первоначально – жевательного табака; название вдохновлено золотой лихорадкой, когда только четверым добытчикам из тысячи улыбалась удача, и должно было символизировать высочайшее качество. «Camel» (с 1913) – американская марка сигарет, созданная Ричардом Джошуа Рейнольдсом.

58.

Атлас (Атлант) – в древнегреческой мифологии могучий титан, держащий на плечах небесный свод.

59.

Лэсси – вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг, создана англо-американским писателем и сценаристом Эриком Моубрэем Найтом в романе «Lassie Come-Home» (1940).

60.

Квакиутль – индейский народ группы вакашей, самоназвание – кваквэкэвакв.

61.

Томас Клейтон Вулф (1900–1938) – американский прозаик, чьи романы оказали большое влияние на стиль самого Джека Керуака.

62.

Конни Мэк (Корнелиус Макгиликадди, 1862–1956) – американский профессиональный бейсболист, кэтчер.

63.

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) – американский архитектор, создатель «органической архитектуры» и «домов прерий» – прообраза американской жилой архитектуры XX в.

64.

Аллюзия на мистера Уинтербоунза, персонажа романа английского писателя Энтони Троллопа (1815–1882) «Doctor Thorne» (1858).

65.

Яки – индейское племя, жившее на территории современной Мексики.

66.

Три тела Будды (Трикая, санскр. «три тела») – триединая сущность, или три способа бытия Будды. Согласно учению махаяны, Будда проявляет себя в трех аспектах: Дхармакая (санскр. «сущностное тело», «тело дхармы») или Ваджракая (санскр. «алмазное тело») – высшее из трех тел Будды, абсолютное проявление духовной сущности, сущность мироздания, постижимая только посредством высшего просветления, соответствует сфере без форм (образов); Самбхогакая (санскр. «тело блаженства» или «божественное тело») – образ Будды, постижимый в глубокой медитации; в этой мистической форме Будда проявляет себя, чтобы дать глубокие поучения бодхисаттвам и йогинам; и Нирманакая (санскр. «феноменальное тело») – Будда, проявляющий себя в обыденном мире. В частности, нирманакаей считается исторический Будда (царевич Сиддхартха Гаутама).

67.

«Центовка», магазин товаров повседневного спроса, в классическом виде создан Ф. У. Вулвортом в 1879 г. Любой товар в нем продавался по 5 или 10 центов.

68.

Строки из американской блюзовой шуточной песенки «In the Jailhouse Now».

69.

Томас Джонатан Джексон (1824–1863) – генерал армии конфедератов в Гражданской войне США (1861–1863).